

ДЕН ЦСТЕН

НЧНО

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Ден Истен

Нина. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67604100

SelfPub; 2023

Аннотация

Сборник рассказов о людях с разными судьбами и жизненными взглядами. Герои далеки от идеала, но всех их объединяет стремление к простым человеческим ценностям: любви, дружбе, пониманию и свободе.

Содержание

Без детства	4
Блаженная	10
Девушка из маршрутки	19
Детские игры	29
Ее звали Анзурат	35
Не теряй себя	45
Неравнодушная	50
Несопливая история	65
Путь к мечте	77
Судьба	85
Ураган	100
Чужая	121
Это мой выбор	134
Я отдаю вам долг	147
Я тебя не знаю	154
Нина	159

Ден Истен

Нина. Сборник рассказов

Без детства

В конференц-зале было многолюдно. Собрались все: директора филиалов, товароведы, начальники складов, продавцы, экспедиторы, бухгалтеры. Заместитель генерального директора надела на лицо свое обыденное строгое, с налетом превосходства, выражение. Жесткий взгляд за тонкими стеклами дорогих очков.

– Коллеги! В рамках благотворительной помощи наша компания решила помочь Некрасовскому детскому дому. Это касается подарков на Новый год!

Присутствующие одобрительно загудели: помочь детишкам – это святое!

Замдиректора строго постучала ручкой по столу. Воцарилась тишина.

– Приказ всем директорам филиалов: подготовить подарки из продукции на складах брака и неликвида. Товароведы, начальники складов, продавцы – без дела не сидим, подключаемся. К концу декабря все должно быть собрано, упаковано и перемещено на главный склад. Всем ясно?

Тишина. Присутствующие недоуменно переглянулись

между собой.

– Я спрашиваю, всем всё ясно? – замдиректора недовольно поджала губы.

– Нет! – в углу поднялась рука. – Мне не ясно!

– Ты кто? – начальница вперила немигающий взгляд в худенькую темноволосую девушку, сидящую не за длинным столом, а возле окна – там, где собрались сотрудники рангом пониже: продавцы, экспедиторы, курьеры.

– Меня зовут Жданова Марина. Я продавец из северного филиала.

– И что тебе не ясно, Жданова? – раздраженно спросила начальница. Тишина в помещении была гробовой. Начальницу знали, как редкостного самодура и плохого управленца, с чьей щедрой руки можно было легко получить выговор или штраф. А виноват или нет – дело десятое!

– Мне не ясно, почему мы отправляем детям залежалый товар и брак? – прямо спросила Марина, вставая.

– Странно, что ты не понимаешь... Неликвид и брак нужно списать и утилизировать, а это лишние расходы. А детям – все равно, они и так слаще редьки ничего не ели! – с неприкрытым цинизмом ответила замдиректора.

– Вы это серьезно?! – Марину аж качнуло от этих слов. – Вы хотите отправить бедным детям пожелтевшую бумагу, высохшие фломастеры, поломанные мелки и прочий хлам? Вам их не жалко? У них и так в жизни мало радостей. Вы, вообще, понимаете, что творите?!

Девушку стали испуганно одергивать, но она только отмахнулась и прямо смотрела в глаза руководительнице. Та многозначительно посмотрела на секретаршу, растерянно теребящую в руках ежедневник, и ткнула пальцем в сторону несговорчивой продавщицы:

– Эту – уволить! Подготовить приказ!

Секретарша горько вздохнула и кивнула. Украдкой, сочувствующе, посмотрела на Марину. Та лишь пожала плечами, подхватила сумку и молча покинула конференц-зал.

Марина выгрела всю наличность. Негусто. Если сюда прибавить ту небольшую сумму, что есть на карте, то месяц-полтора она протянет. Это если в режиме жесточайшей экономии. А экономить Марина умела – жизнь заставила. Родители, живущие в деревне, всячески пытались помочь единственной дочери, но сидеть на их шее она не могла. Поэтому всегда отказывалась, мотивируя тем, что у нее все прекрасно, и она ни в чем не нуждается. И до этой поры ей удавалось сводить концы с концами, наскребая на аренду маленькой комнаты на окраине города, довольствуясь одеждой с местного вещевого рынка, да покупая себе скромный провиант. Но сейчас все быстро поменялось в худшую сторону, и над Мариной нависла вполне реальная угроза оказаться на улице. Без денег, еды и работы.

Она вздохнула. Хорошо, что дали возможность уволиться по собственному желанию, а то было бы совсем тухло. Уста-

вилась на экран старенького, купленного с рук, ноутбука – она уже второй день искала работу, просматривая вакансии.

Вот, вроде что-то подходящее. Надо звонить.

Уже набранный номер на экране дешевого мобильника вдруг сменил чей-то входящий звонок, сопровождаемый пилликаньем незамысловатого, дребезжащего рингтона.

– Алло? – Марина прижала телефон к уху.

– Марина? Жданова Марина? – мужской голос был незнакомым.

– Да.

– Здравствуйте! Меня зовут Виктор Николаевич. Я генеральный директор сети магазинов «Мозаика», откуда вас уволили.

Марина растерялась. Во дела! С чего это сам небожитель, владелец крупнейшей в городе сети магазинов канцелярских товаров, большую часть времени проводящий в Испании, вдруг заметил ее со своего Олимпа и позвонил? Ей, рядовому продавцу, которую он даже никогда не видел!

– Здравствуйте, Виктор Николаевич, – тихо ответила Марина. – Очень приятно.

– Взаимно, Марина, – продолжал генеральный. – Понимаете, произошла чудовищная ошибка! Я даже не знаю, как это назвать... В этом есть и моя вина, безусловно, уж слишком я доверился своим замам! Я даже не знал ни о том, что они решили таким мерзким и низким образом избавиться от неликвида, ни о том, что вас уволили! За всем не уследишь!

Мне пятнадцать минут назад позвонила секретарь и сказала. Я так понимаю, вашим увольнением шокирована не только она, но и многие сотрудники, которые вас знают лично.

Марина сидела, от удивления раскрыв рот. До того это все было неожиданно!

– А теперь давайте сразу к делу. Скажите, вы готовы принять мои извинения за поведение моих подчиненных и несправедливое увольнение? А заодно занять должность заместителя директора северного филиала. С ее слов, вы отлично справлялись на должности продавца. Может быть, пора расти?

– Вы предлагаете мне вернуться на новую должность? – севшим от волнения голосом спросила Марина.

– Да. И насчет подарков детскому дому... Я приказал, чтобы детям выделили подарки из новой партии. Некоторую продукцию оттуда планировалось ввести в реализацию лишь в январе следующего года. Поэтому у детей будет только все самое новое и лучшее.

– Спасибо, – пробормотала Марина, окончательно растерявшись.

– Вам спасибо! Мне будет очень приятно, если вы примете мое предложение относительно новой должности. Приказ о вашем назначении уже готов, я распорядился. Уж забежал вперед, простите.

Марина смотрела на воспитанников Некрасовского дет-

ского дома. Дети помладше с любопытством разглядывали новые альбомы для рисования и развивающие игры. Ребята постарше уже распаковали свои конструкторы и теперь с деловитым видом изучали детальки, явно намереваясь собрать из них что-то очень грандиозное. Совсем малыши носились по маленькому залу с веселым смехом, прижимая мягкие игрушки и машинки. Казалось бы, идиллия – счастливые дети! Что может быть лучше?

Но Марине было грустно. За всем этим смехом и радостью скрывалась совсем недетская боль и обида. Боль и обида маленьких людей, у которых отняли самое важное в жизни каждого ребенка – детство!

Блаженная

Односельчане звали ее блаженной. Без насмешки или неприязни, просто тем самым констатируя сам факт ее чудачковатости. Невысокая восемнадцатилетняя девушка, абсолютно безобидная и до того открытая и наивная, что становилось просто страшно за нее – она верила каждому, и обидеть ее мог тоже каждый.

– Машка, отдай бабушке сахар и скажи, пусть зайдет ко мне на днях, ткань должны завезти. Она хотела отрез, платье тебе сшить. Поняла?

Маша прижала кулек с сахаром, подняла на продавщицу огромные зеленые глаза. Отстраненные, как будто девушка витала где-то далеко в облаках, подальше от родного села.

– Машенька, миленькая, ты поняла меня? – повторила продавщица. Маша кивнула и пошла к выходу.

Глядя ей вслед, продавщица вздохнула.

– Точно блаженная...

Участковый Петр Валентинович сидел за обшарпанным столом. В сенях толпились обеспокоенные соседи, вслушиваясь в разговор.

– Зинаида Федоровна, когда вы видели Машу в последний раз?

– Так это, утром еще, – всхлипнула старушка. – В магазин

ее отправила. Лида, продавщица, говорит, что забрала сахар и ушла. И все – как в воду канула! Пропала моя Машенька!

Старушка разрыдалась. Две соседки, стоявшие у входа, кинулись ее успокаивать, третья полезла в шкафчик за каплями.

– Валентиныч! – крепкий грузный мужчина присел рядом с участковым. – Мы тут с мужиками все обшарили, где только могли. Даже на верфи заброшенной были, нет нигде девчонки! Валентиныч – ты власть, давай звони куда там надо, пусть военных присылают, вертолеты. Лес надо прочесать, а народу-то нету!

Участковый только ладонью по лицу провел.

– Дымов! Давай каждый будет свою работу выполнять? Ты – баранку крутить, а я закон защищать! И потом... какие к черту вертолеты? Кто будет из-за девчонки столько суеты поднимать?!

– Делай тогда что-нибудь! Время идет! – зарычал Дымов. – Мент ты или так... погулять вышел?

Он встал, нахлобучил кепку. Подошел к стоящим в дверях односельчанам.

– Пойдем, мужики. Сами искать будем, коль власть у нас такая. Собирайте народ!

– Маша-а-а!

– Машка, где ты?!

– Машенька! Отзовись!

В хмуром осеннем лесу, обычно тихом и безжизненном, было оживленно. На поиски пропавшей девушки вышло все село: мужики, бабы, даже дети. Неумело разделившись на группы, они прочесывали лес.

– Маша-а-а-а! – орал Дымов, с беспокойством глядя на заходящее солнце. Шансы найти девочку таяли с каждой минутой.

– Дядя Захар, темнеет уже, – сказал идущий в пяти метрах Олег, племянник, рослый восемнадцатилетний парень.

– Значит так, ребятишек и баб отправляем по домам, мужики продолжают поиски, – скомандовал Дымов.

– Ну что, Захар? – обеспокоенно спросила жена, едва Дымов вошел в дом. По его хмурому, исцарапанному ветками, лицу поняла, что поиски результатов не принесли.

– Не знаю я, где искать. Сами чуть не заблудились. Батареи уже посадили в край! – он положил фонарь на стол. – Утром надо снова идти.

– Может вернется сама? – предположила жена, ставя перед ним тарелку с супом.

– Может и вернется... Да только я участкового нашего встретил, говорит, ориентировка пришла на трех беглых зеков. Сегодня вечером с зоны сбежали, судя по всему где-то в нашем лесу прячутся...

Маша очнулась. Открыла глаза, прямо над ней зияли рва-

ные края ямы, а еще выше, на недосыгаемой высоте, чистое звездное небо.

Жутко болела нога. Девушка застонала и попыталась подняться. По телу прошла волна одуряющей боли. Девушка заплакала, размазывая слезы по грязному лицу. Внезапно где-то наверху раздались осторожные голоса и хруст валежника под ногами.

– И долго мы тут тихариться будем? – спросил хриплый грубоватый голос. – Нам здесь задерживаться вообще не в жилу, утром мусора с собаками пойдут. Уходить надо.

– Ночью нельзя, заплутаем, – возразил второй голос, молодой. – Утром к переезду будем пробираться.

– Тихо! – прервал громкий шепот кого-то третьего. – Скулит кто-то... Слышите? Вон там! Подсветите!

В следующую секунду яму, где лежала Маша, осветил тусклый свет спичек.

– Ха, господа арестанты! Да у нас тут маруха! – присвистнул один, чернявый, с перебитым носом.

– А что она здесь делает? – озадаченно спросил второй, худой. – Если бы тут валялся тот гусь прокурорский, что меня на пятнаху закрыл, я бы и то меньше удивился.

– Надо помочь! – сказал третий. Молодой, лет двадцати.

– Ну так лезь, Сёма! Поможешь ее вытянуть, а потом мы тебя вытащим, – предложил чернявый.

Они, держа его за руки, помогли спуститься. Семен чирк-

нул спичкой.

– Да тут нога! – озадаченно сказал Семен, увидев ее неестественно вывернутую ногу.

– Ты давай ее вытаскивай! – нетерпеливо крикнул худой.

Семен опустился на колени, поднес спичку к ее лицу.

– Не бойся. Ты как тут оказалась? Упала?

Девушка закивала, морщась от боли.

– Давай помогу, – он легко приподнял Машу.

– Давай поднимай! Ага, вот так! – они схватили девушку за руки, вытянули наверх и сразу же исчезли из виду.

– Э, про меня не забыли?! – крикнул Семен.

– Не забыли! Третьим будешь! Посиди пока там, – раздался в ответ мерзкий смех. Почти сразу же Семен услышал женский крик, затем сдавленное нечленораздельное мычание.

Он зарычал в бессилии, заметался внутри ямы.

– Отпустите ее! Я вас порву!

В ответ услышал только довольный хохот.

Семен трясущимися пальцами зажег спичку и лихорадочно исследовал рыхлые земляные стенки, надеясь найти хоть малейший выступ. Внезапно увидел что-то гладкое, ветвистое, выпирающее из земляного наката почти у самого верха ямы. Это были корни старого дерева, уже высохшие и безжизненные, но на вид достаточно крепкие. Семен подпрыгнул и уцепился за шероховатую поверхность. Подтянулся и одним сильным движением выкинул тело на поверхность.

Худой торопливо расстегивал длинную вязаную кофту девушки. Чернявый, хищно улыбаясь, одной рукой удерживал руки девушки, а другой заткнул ей рот.

Семен с криком подбежал сзади и со всего маха опустил сложенные вместе кулаки на голову худому. Тот икнул, закатил глаза и мешком рухнул на мокрую листву. Семен вытащил из кармана заточку, выставил перед собой. Чернявый выпустил девушку, вскочил на ноги и попятился, глядя в его горящие ненавистью глаза.

– Сёма, давай без кипиша? Перышко-то спрячь. Ну хочешь, ты первым будешь?

– Берешь это! – Семен пнул лежащего без сознания худого. – И сваливаете отсюда, иначе обоих под осиной закопаю!

Они снова вышли на поиски едва вошло солнце. Несколько односельчан растянулись в цепочку.

– Маша-а-а-а!

– Машка-а-а-а-а!

Племянник Олег бодро шагал в нескольких метрах от Дымова.

– Дядя Захар, а с чего ты взял, что она именно в лесу?

– Да любит Машка гулять здесь! Я ее частенько видал, когда с охоты возвращался. Идет, улыбается чему-то там, под ноги не смотрит, а взгляд такой, как не от мира сего. Я ей: Маша, заблудишься! Пойдем домой! А она глазищами на меня смотрит своими зелеными, улыбается в ответ, головой мо-

тает и дальше идет. Вся на своей волне. Блаженная...

Внезапно в пролеске раздался треск. В следующую секунду на прогалину вышел какой-то парень с черном арестантском ватнике. Он держал на руках девушку. Увидев их, облегченно вздохнул. Бережно положил ее на землю, вытер с усталого лица льющийся ручьями пот.

– Все сюда! – заорал Олег.

– Машка! Живая! – воскликнул Захар.

Все как по команде подбежали к ним и моментально окружили парня и Машу.

– Да это же зек! Наверное, один из тех, про которых Валентиныч говорил! Бегунок! Держи его!

Парень и не думал сопротивляться. Он устало рухнул на колени, его моментально придавили к земле, заломав руки.

– Это ты нашу Машу украл?! – замахнулся Олег.

– Не-е-е-ет!!! – пронзительно закричала Маша.

От этого крика у всех кровь застыла в жилах. Мужики, удерживающие зека, невольно разжали руки, отступили. Маша подползла к Семену, вцепилась в его ватник, затем закрыла парня собой.

– Нет!!!!

Все оторопело смотрели на нее. Словно раненная тигрица, защищающая своего детеныша.

– ... Я вор, не мокрушник! – закончил рассказ Семен и затянулся папирсой. – Хотя тогда был готов привалить обоих.

– Что же делать-то с тобой? – Дымов озадаченно глянул на него, перевел взгляд на односельчан. Те подавленно молчали, шокированные рассказом Семена. Маша сидела рядом с ним. Когда ее хотели отнести в село к фельдшеру – наотрез отказалась. Видно опасалась за своего спасителя.

– Об одном прошу. Дайте уйти! – парень посмотрел на селян просящим взглядом.

Все молчали, отворачивая взгляд. Над поляной повисла гнетущая тишина.

– Ладно! – наконец решился Дымов, встал и повернулся к односельчанам. – Значит так, мужики! Машу мы нашли в яме! Никакого беглого зека в глаза не видели! Валентинычу, этому недоучастковому – ни слова! Своим бабам – тоже, те еще сороки! Ни детям, ни тещам, ни кошкам, ни собакам! Всем понятно?!

Все дружно и одобрительно закивали. Дымов посмотрел на девушку и добавил:

– А Маша... А Маша у нас и так не шибко разговорчивая...

Затем он снял свою кепку, бросил ее на землю. Вытащил из кармана смятые купюры, положил в кепку, там же оказались сигареты и зажигалка. Селяне охотно последовали его примеру. В кепку полетели деньги, пачки папирос и сигарет, спички. Дымов вручил все это добро оторопевшему Семену.

– Иди!

– Пятый! Доложите обстановку!

– Товарищ полковник. Цель вижу отчетливо. Жду приказа.

– Восьмой! Что у тебя?

– Вижу отлично. Готов работать по цели.

– Пятый, восьмой! Работайте!

Оба выстрела грохнули одновременно.

«... В результате проведенной операции преступники были ликвидированы. Напоминаем, несколько часов назад двое переодетых беглых заключенных были опознаны сотрудниками линейного отдела полиции. Преступники оказали сопротивление, обезоружили полицейских и захватили торговый павильон на железнодорожной станции, удерживая в заложниках несколько человек...»

Полковник выключил телевизор и уставился на майора.

– Ну, про этих мне и так все известно. Что с третьим?

– Ищем!

Маша, улыбаясь чему-то своему, раскрыла ладошку. На ней лежал маленький православный крестик, искусно выполненный из обычного оргстекла. Подарок того самого парня в черном ватнике и с зелеными, как у нее, глазами...

Девушка из маршрутки

Парень смотрел пристально и нагло. С интересом, как на подопытную мышь. В конце концов, Юле это надоело.

– Мы с вами знакомы? – спросила она. Тихо, чтобы не привлекать внимание остальных пассажиров в переполненной маршрутке.

– К сожалению, нет, – ответил он, продолжая пялиться.

– Тогда почему вы на меня так смотрите? – поинтересовалась Юля.

– Лицо у вас интересное. Необычное, я бы сказал, – улыбнулся он.

Вот не любила она такие ответы! Ответы, после которых возникает еще больше вопросов.

– И чем же оно необычное? – Юля обмотала шарфом лицо, оставив только глаза. Наглец засмеялся.

– У вас такие милые неправильности, – нахально ответил он. – Зря скрываете.

Хорошо, что она замоталась шарфом, иначе бы пришлось отсвечивать вмиг покрасневшим лицом. Юля пошарила глазами вокруг – пассажиры усиленно делали вид, что их ни сколько не интересует разговор этих двоих, сидящих напротив друг друга, но тщательно замаскированные улыбки и слишком безразличные глаза говорили об обратном.

– Вам никто не давал права меня оскорблять, – пробуб-

нила она в шарф. Юля не была красавицей, и прекрасно об этом знала. На скуластом лице между широко расставленными глазами выпирал длинный, с горбинкой, нос. Губы тонкие, а волосы жиденькие. Нет, она не была прямо страшной, и зеркало не трескалось, когда она в него смотрелась, но и красоткой, в истинном понимании этого слова, себя тоже не считала. Даже с очень большой натяжкой.

– Я вас не оскорблял, – искренне удивился нахальный попутчик. – Я художник.

– И какая связь?

– Я вижу то, чего не видят другие. Или видят, но не так.

– И что же вы видите?

– Вы красавица.

Всё! Это была последняя капля. Так издеваться над собой она никому не позволит. Художник, блин! Идиот и хам!

Она встала и стала пробиваться к выходу, хотя выходить ей только через остановку. Вывалившись из маршрутки, Юля, скользя на плохо расчищенном тротуаре, побежала по улице. Спустя пятнадцать минут, всклокоченная и раскрасневшаяся от быстрого бега, забежала в офис. Начальница недовольно поджала губы, демонстративно показывая на часы. День начался просто ужасно!

Вечером Юля сидела перед телевизором и смотрела старый американский фильм. Черно-белый, с красивыми и статными актерами.

– Ну почему я не такая? – Юля с завистью смотрела на актрису Грейс Келли. – Интересно, а такая как я, могла бы стать принцессой Монако?

Представив себя принцессой в роскошном платье, делающей книксены, ей вдруг стало смешно. Смех быстро перешел в плач. Долгий и горький.

Лето. Автобусная остановка

Юля стояла на остановке. Нетерпеливо поглядывала на часы. Подрулила машина, из нее высунулось небритое лицо. Улыбающееся и до боли знакомое. Она сразу вспомнила его, ибо такие нахалы и их оскорбления так просто из памяти не стираются – то самое мурло из маршрутки! Художник, мать его за ногу! Воспоминания полугодичной давности шевельнулись обидой. Пикассо недоделанный!

– Здравствуйте! – улыбнулся Пикассо.

Юля отвернулась. Неизвестно, что он сейчас брякнет. Может еще чего похуже?

– Девушка, нам есть о чем поговорить с вами! – настаивал мужчина.

– О чем? О том, какая я страшная? Не трудитесь, я знаю, – ответила Юля. – Вы мне об этом уже сообщили. Это было мило. И очень тактично!

– Я не говорил, что вы страшная! – возразил он. – Я сказал...

– Послушайте! – перебила его она. – Я прекрасно помню, что вы мне сказали. Нет никакой нужды повторять. Проез-

жайте, мой автобус подъехал!

Действительно, сзади уже вовсю сигналила Газель, возмущенная тем, что ей не дают беспрепятственно подъехать и высадить людей.

– Может, я вас подвезу? – предложил Пикассо.

– Нет! – выкрикнула она.

Но он и не думал уезжать. Люди, стоящие на остановке, стали громко высказывать свое справедливое недовольство.

– Да сядь уже к нему! Тоже мне недотрогу из себя строит! Знаем мы вас, проституток! – заголосила какая-то бабка.

– Я не проститутка! – покраснела Юля.

– Да ты одолела уже! Предлагают же подвезти! Ты чё тупишь?! – выкрикнула девица с проколотым носом и фиолетовыми волосами.

– Ты как разговариваешь, малолетка?! – возмутилась Юля.

Какой-то мужик подошел к машине и заорал на художника. Матерно, что-то там про его маму и папу, которые спьяну сбабахали это чудо. Больше досталось маме, которая, по мнению мужика, имела наглость это самое чудо не доносить, а потом еще и уронить. Несколько раз.

Маршрутка истошно сигналила. Люди орали.

Чисто психологически это было невыносимо. Юля решительно рванула дверь, уселась на переднее сиденье.

– Чё встал?! – гневно сверкнула она глазами. – Поехали, пока нас тут не порвали!

Пикассо с улыбкой вырулил на дорогу. Вслед неслись проклятия.

– Куда?

– Туда!

Машина остановилась возле огромного офисного здания. Двигатель мерно работал. Юля озадаченно смотрела на Германа (именно так звали хамоватого художника). Услышанное по дороге никак не укладывалось в голове, больше походило на очередную издевку.

– Я тебя правильно поняла? Ты написал мой портрет по памяти и вывесил его на всеобщее обозрение? На какой-то там выставке?

– Не на какой-то там, а на своей! – поправил Герман с улыбкой.

– С какой целью? Опозорить? – допытывалась Юля.

– Юля, может хватит уже, а? – Герман перестал улыбаться. – Хватит комплексовать на ровном месте!

– Я не комплексую! – возразила девушка.

– Комплексуешь! – уверенно ответил он. – Можно просто отдавать себе отчет относительно своей нестандартной внешности, а можно загоняться из-за этого, постоянно сравнивая себя с другими. У тебя – как раз второй случай.

– Я себя ни с кем не сравниваю, – соврала она и отвернулась к окну. Тема внешности для нее была всегда болезненной, и она себя действительно сравнивала с другими, не в

свою пользу, конечно. А может и правда, сама себе что-то там придумала и теперь переживает? И на самом деле не все так плохо?

– Ладно, – тон Германа смягчился. – Так как насчет посмотреть картину? Кстати, ты же не против, что я написал твой портрет?

– Очень мило! Ты сначала написал портрет, затем его вывесил, а теперь спрашиваешь: не против ли я? Надеюсь, в плане создания своих работ ты более последователен?

– Да! – рассмеялся Герман. – Так что?

– У меня работа, – Юля была не против посмотреть. А если совсем честно, то она была категорически не против!

– Галерея открыта до восьми. А ты до которого часа работаешь?

– До шести.

– Отлично. Значит, в шесть я буду ждать тебя здесь.

Герман толкнул широкие стеклянные двери, и они оказались в просторном помещении. Девушка-администратор поздоровалась и удивленно посмотрела на Юлю, затем перевела вопросительный взгляд на Германа. Тот кивнул.

– Она самая. С картины, – загадочно шепнул он. Девушка с пониманием закивала и заулыбалась.

Юля с любопытством разглядывала экспозицию. Картины были всюду. Большие и маленькие. Разные. Освещенные светом неярких софитов. Вот африканский мальчик в шор-

тах, сидящий на корточках перед соломенной хижинкой. В больших темных глазах застыло удивление. А вот усталый старик с морщинистым лицом, в выгоревшей на солнце рубашке, оглядывающий свои владения – пшеничное поле. А вот крохотная рыжая девчушка со смешными косами, с выражением счастья на веснушчатом лице, прижимающая к себе двух котят, таких же рыжих. А вот и рыдающая старуха, почерневшая от горя и обнимающая покосившийся могильный крест... Всюду были картины. А в них – обычные человеческие эмоции: счастье и печаль, гнев и радость, сострадание и жестокость.

Герман вместе с Юлей переходил от полотна к полотну, молча, наблюдая за ее реакцией. По залу тенями, бесшумно, ходили немногочисленные в этот вечерний час посетители выставки. И тут Юля увидела себя...

Да! Это была она, Юля. Без прикрас, как есть. Неровный длинный нос, широко расставленные серые глаза. Тонкие, ниткой, губы. Вязаная шапка и кашне, щедрыми слоями обмотанное вокруг шеи. Темный пуховик с капюшоном, отороченным искусственным мехом. За спиной – ободранная спинка сиденья, кусок заиндевевшего окна.

Юля всмотрелась в маленькую табличку под рамой – «Девчушка в маршрутке» ...

– Какая интересная барышня! – услышала она за спиной. Отодвинулась, украдкой посмотрела на пожилую, интеллигентного вида, пару.

– Чудо как хороша! – воскликнула седовласая женщина в очках.

– Весьма мила, определенно мила! – подтвердил ее спутник, высокий старик, с тростью в холеной руке. Юля отошла еще на шаг. Покрутила головой в поисках скрытых камер. Это какой-то прикол, да? Всю жизнь она считала себя гадким утенком, а тут такие комплименты...

Пара постояла немного, разглядывая ее, нарисованную. Затем направились к другой картине – хмурому мальчишке, стоящему по колено в воде и держащему в худеньких руках длинное удилище.

К ее портрету тотчас подошла другая пара, молодая. В рваных джинсах и кедах с разноцветными шнурками. Руки обоих были покрыты татуировками в виде рун. Им бы в клубах тусоваться, а они картины рассматривают... Видно, забрели случайно, от нечего делать.

Парень наклонился и громко прочитал:

– Девушка в маршрутке... Ага, так я и поверил. Да сразу видно – модель, позировала в студии. Такие в маршрутках не ездят!

– Ничё такая! Симпотная! – сказала девушка, тыча в сторону картины татуированным пальцем.

– Норм телка! – согласился парень. – Но ты лучше. Ты просто огонь!

Оба засмеялись, приветливо кивнули подошедшему туристу азиатской внешности и направились к выходу. Турист на-

правил объектив своей шикарной камеры на картину. Восторженно приговаривал на японском, щелкая затвором.

Смысла его слов Юля не понимала, она вообще кроме «харакири» по-японски ничего не знала, но по тону догадалась: он говорит что-то очень хорошее в ее адрес. Растерянно посмотрела на Германа, тихо стоящего рядом. Он развел руками и улыбнулся: как-то так...

– Спасибо! – одними губами, почти беззвучно, прошептала она. Отвернулась, пряча вдруг навернувшиеся, совсем некстати, слезы. В этот момент Юля почувствовала безграничную благодарность к этому малознакомому человеку, давшему то, чего ей так не хватало всегда – уверенность в себе!

В кафе было уютно. Они пили кофе и разговаривали. Непринужденно, как старые знакомые.

– Герман, хочу извиниться перед тобой. За свою грубость. Сегодня утром и тогда, зимой. – Юля отпила ароматный напиток из маленькой чашки.

– Не стоит! Сам виноват, – засмеялся он. – Знаешь, а ведь тогда меня выкинули из маршрутки. На следующей остановке.

– Как?! – Юля поставила чашку и уставилась в изумлении. – За что?!

– Да там такой скандал поднялся! Женщины, которые наш разговор слышали, обозвали меня бездарным маракой, аль-

тернативно одаренным и слепошарым. Подняли хай, типа взял девушку такую симпатичную уродиной обозвал. Обещали из меня Ван Гога сделать – ухо оторвать. Там такое началось! Ну, не выкинули, конечно, – я сам вышел. От греха подальше...

Посетители кафе смотрели на смеющуюся пару: он – с модной трехдневной щетиной и кудрявой шевелюрой, она – привлекающая к себе внимание своей нестандартной внешностью. Необычная. Интересная. Завораживающая. Уверенная.

Детские игры

Пепельница, полная окурков. В кухне сизый дым, с которым не справлялось даже настезь открытое окно. Игорь, обхватив голову, в сотый раз смотрел на записку. Ровным почерком жены было написано:

«Игорь! Ухожу от тебя. Люблю другого. Знаю, что мой поступок трудно понять, тем более – простить, но и скрывать не имеет смысла. Давай просто разведемся и закончим на этом.»

Игорь решительно скомкал записку и сжег. Прикурил новую сигарету.

На кухню вошла четырнадцатилетняя дочь Ира. Закашляла, замахала руками.

– Пап, мы же договаривались: куришь только на балконе!

– Да-да, – рассеянно кивнул Игорь, затушив сигарету. –

Ты почему не спишь?

– Не знаю, не спится. Ты о маме думаешь, да?

Игорь не ответил, глядя на догорающий в пепельнице тетрадный листок. Дочь присела рядом, подперла руками подбородок.

– Мама совсем нас бросила, да? – спросила она.

– Наверное. Ты же читала записку, – пожал плечами он. – Ладно, иди спать. Мне еще подумать надо, как дальше жить...

– Василич, дай отгул на среду, а? Мне в суд надо – развожусь, – Игорь в засаленной робе стоял перед бригадиром. Тот сочувствующе смотрел на него, будучи в курсе его проблемы.

– Ребенка кому? – хмуро поинтересовался бригадир. – Матери, однозначно! Наши суды – это... это такие суды!

– Увидим, – пожал плечами Игорь. – Жена говорит, не возражает, если Ирка со мной останется.

– Не возражает? – переспросил Василич.

– Василич, чего ты хочешь? – устало спросил Игорь. – Чтобы я тебе прямо сказал, что жене все равно на нее? Это так, и что?

– Ладно-ладно! – примирительно поднял руки бригадир. – Главное, что сама дочь думает по этому поводу.

– Со мной хочет остаться! – уверенно ответил Игорь.

– Игореха, давай-ка, возьми отгулов денька три-четыре! Попьешь, погорюешь, тебе надо. Я сам через это проходил, тоскливо было – на стенку лез!

– Спасибо, Василич, не нужно. Мне пить некогда, мне дочь надо воспитывать. А отгулы я приберегу для более подходящего случая. Спасибо еще раз!

Выйдя из лифта, Игорь вдруг отчетливо почувствовал запах дыма. Торопливо открыл замок, ворвался в квартиру. Ломанулся на кухню.

Уф! Ирка, тебя выпороть мало, разве можно так отца пугать?!

Дочь, завернувшись в фартук, пекла блины.

– Пап, привет! А я блины пеку! – гордо объявила дочь, вся перемазанная мукой.

– Я заметил, – улыбнулся Игорь. – И как, получается?

– Сложно сказать... – дочь задумчиво почесала нос. – Надо пробовать.

Блины были страшные и сухие. Но Игорь мужественно ел, не забывая нахваливать дочкину стряпню. Положение спасал крепкий горячий чай.

Ира сидела и с гордостью смотрела на жмурящегося от удовольствия отца.

– Ирка, поехали к бабушке на летних каникулах? Я отгулы возьму. Отдохнем, накупаемся, да и бабушка соскучилась, – предложил Игорь.

– Па. Мы обязательно поедem к бабушке, но в следующий раз. У меня есть другое предложение, – деловито и как-то очень по-взрослому сказала дочь.

– Даже так? – удивился он. – Слушаю.

– Тебе надо жениться, – ответила дочь.

Игорь чуть не поперхнулся сухими блинами.

– Чего?!

– Пап, мама ушла год назад и возвращаться, судя по нашим телефонным разговорам, не думает. Говорит, что счастлива и без нас. Ты до сих пор один. Тебе надо жениться.

– На ком? Я целыми днями на работе, мне знакомиться некогда, – возразил он.

– Я уже нашла тебе подходящую жену, – невозмутимо ответила дочь.

– И где? – хмыкнул он. – Нашла ее где?

– Недалеко. В школе. Наша учительница по истории. Красивая и умная. И молодая. Моложе тебя.

– У красивых и умных есть свои мужья. И вообще, что ты в этом понимаешь?! Сопливая еще.

– Сопливая-несопливая, но вижу, как тебе плохо одному, – приговаривала Ирка, ковыряясь в своем телефоне. – Вот ее фотка! Смотри и плачь!

Она протянула ему свой смартфон.

– Ну да. Симпатичная, – согласился он, глядя на стройную женщину в строгом платье на фоне школьной доски. – И что дальше?

– Дальше? А дальше ты с ней познакомишься!

– А если не понравлюсь? – Игоря вся эта ситуация стала забавлять.

– Думаю, понравишься. Я все устрою, – заверила дочь.

– Что за детские игры и глупости?! Устроит она... И с чего ты решила, что она одна?

– Знаешь, к кому ушла наша мама? К ее мужу! Вот!

Кружка с горячим чаем выскользнула из дрогнувшей руки Игоря.

– А это что такое?! – возмутилась дочь, глядя на его ногти.

– Так, не отмывается никак. Въелось за столько лет. Я все-таки не в офисе работаю, – оправдывался Игорь.

– Папа, блин! Пойдем, я отмою, – Ира потащила отца в ванную, где щеточкой за десять минут привела его ногти в порядок.

– А теперь иди одевайся! Ольга Васильевна придет через полчаса, – командовала дочь.

Игорь послушно поплелся в комнату.

– Много не пить, анекдоты свои дурацкие не травить! – приказным тоном крикнула дочь из кухни, где накрывала на стол.

– Ты покомандуй тут еще отцом! – улыбнулся Игорь, завязывая галстук.

Игорь был в ударе. Много шутил, смеялся, красиво ухаживал, говорил комплименты. Ольга Васильевна, которую в школе знали, как чрезвычайно строгую историчку, сейчас просто расплывалась от счастья и умиления. Смеялась над его шутками, охотно поддерживала разговор. Ира смотрела на них и откровенно радовалась. В общем, начало знакомства было весьма оптимистичным.

В конце концов, Игорь предложил съездить втроем на море. Ольга Васильевна легко согласилась, а Ирка вообще была в восторге – она ни разу не была на море!

Посидев с ними ради приличия часик, она незаметно

ушла в свою комнату. Слушая их смех за стеной, улыбалась. Всем хорошо: и папе (что, безусловно, в приоритете), и Ольге Васильевне (что тоже немаловажно), и ей, потому, что с историей у нее нелады! Ей грозил законный трояк за год, поэтому надо учить, исправлять, а так не хочется. А теперь даже и не придется! Наверное...

Как там папа сказал: детские игры и глупости? Ага, шас! Стратегия!

Ее звали Анзурат

– Кто она? – спросил прапорщик Зимин, старательно накручивая синюю изоленту на магазины.

– Гражданская, – сержант подошел к жестяному баку, зачерпнул алюминиевой кружкой теплой, вперемешку с песком, воды. Протянул девушке. Та кивнула и, приложив руку к груди, взяла кружку.

– Она по нашему-то шпрехает? – Зимин вынул из под сумки еще пару магазинов. Взял изоленту, подцепил грязным ногтем край.

– Она еще вас научит, товарищ прапорщик, – усмехнулся сержант.

– Ты, Старцев, не умничай, тебе не идет. Особенно со старшими по званию, – беззлобно ответил прапорщик.

– Да, я говорю по-русски, – ответила девушка. Чисто, без малейшего акцента. Посмотрела на сержанта и протянула пустую кружку. – Спасибо.

– Ты не афганка, так? – удивленно спросил прапорщик, посмотрев на ее мешковатое одеяние, затем в смуглое, красивое лицо.

– Нет, я таджичка.

– А что советская женщина делала в кишлаке, полном душманами? – подозрительно прищурился Зимин.

– Я медсестра. В кишлаке госпиталь был наш. Моджахе-

ды пришли, советских всех вырезали, а меня местные спрятали. Потом десантники ваши появились, – она кивнула на сержанта. В ее больших черных глазах выступили слезы, она прикрыла лицо руками и беззвучно заплакала.

– Товарищ прапорщик, ну что за допрос? – вступился сержант. – Пусть отдохнет человек. Два часа сюда добирались по ущелью.

Зимин посмотрел на ее босые, изрезанные камнями, ступни.

– Ладно, – он ловко закинул сигарету в рот, щелкнул зажигалкой. – Накорми ее. И это, скажи каптеру пусть ей обувь выдаст. Сапоги поменьше подыщет, что ли... А как звать-то тебя, медсестра?

– Анзурат, – всхлипнула девушка.

Старшина почесал плешивый затылок.

– Да у меня и сапог-то нет таких. У тебя какой размер, красавица?

– Тридцать третий.

Старшина возмущенно посмотрел на сержанта.

– Старцев, здесь тебе что, «Детский мир»? Или у меня полный склад пинеток? Сорок первый – самый маленький!

– Ну, может газет напихать, а? – с сомнением ответил Старцев.

– В голову свою пустую напихай! Там, я вижу, пространства много! Соображаешь, нет? В кирзе не по размеру она за

минуту ноги сотрет! Чистый наждак. Что, не мог женщину в обуви найти?

– А я что, женщин там искал?! – моментально завелся сержант, – Я ее из-под обстрела вывел. Сидишь тут, тащишься, а у меня трое «двухсотых» сегодня!

– Ладно-ладно, успокойся, – старшина примирительно поднял руки. – Есть выход.

Он скрылся под навесом из маскировочной сетки. Через минуту вышел с коробкой в руках.

– Дочери на рынке купил, в Кабуле. Хотел домой отправить, не успел. Вот возу с собой. Тут правда тридцать шестой, зато легонькие.

Открыл коробку, вытащил неказистые тряпочные кроссовки.

– Аидас, что ли? – недоверчиво прищурился сержант.

– Ага, как же! Но в Союзе такие не меньше трешки стоят.

Протянул девушке.

– Носи, дочка.

– Мне бы ополоснуться, – тихо сказала Анзурат, едва они отошли от склада. Покраснела, еще крепче прижала кроссовки к себе.

– Сейчас организуем. Ты здесь постой, я мигом, – Старцев обогнул казарму и подошел к хлипкому дощатому строению, внутри которого слышались звуки льющейся воды и мужские голоса. Отогнул брезентовый полог, заглянул.

– Эй, воины! Вы тут долго еще?

– А что?

– Помыться хочу.

– Ну так мойся!

– Стесняюсь.

Десантники дружно заржали.

– Ребят, если серьезно, то у меня тут гражданская. Женщина. Душ принять человеку надо.

– А-а-а, это та, которую ты с кишлака привел? Слышали. Ладно, Старый, мы уже заканчиваем. Бойцы, давайте шустрее!

Через полчаса Анзурат, с мокрыми блестящими волосами, сидела в столовой. На дощатом, грубо сколоченном столе, дымилась миска с гречневой кашей, рядом стояла алюминиевая кружка с чаем. Сержант Старцев сидел напротив, дымил сигаретой и чистил автомат. Повар, розовощекий ефрейтор, крикнул.

– Эй, Старый! У меня галеты есть. И шоколад! Может девушка хочет?

– Конечно хочет! – Старцев покрутил в руке боек, подул на него. – Слушай, а почему я только сейчас узнаю, что у тебя есть шоколад? Жучара ты, Рассохин.

– А потому что у тебя нет таких красивых глаз, – парировал Рассохин и подошел к столу. Положил пачку галет, сверху маленькую плитку шоколада. – Угощайтесь, девушка.

Анзурат замерла и помотала головой.

– Спасибо, не надо, – улыбнулась она. – Мне каши достаточно. Очень вкусно, кстати! Ты хороший повар.

Рассохин просиял.

– Старый, ты слышал? Хотя кто-то здесь оценил мои таланты! А вы все свиньи неблагодарные, все вам не то и не так!

– Ну почему сразу свиньи? – равнодушно пожал плечами сержант, отчаянно натирая ветошью пружину. – Мы обычно с большим удовольствием давимся тем, что ты готовишь. И даже не хрюкаем. Вот только меню твое разнообразием не страдает. Сегодня – гречка, завтра – перловка, послезавтра опять гречка, а послепослезавтра... ну ты понял. Тоска!

– А тебе здесь не ресторан. Давится он, видите ли... – обиженно протянул повар и вдруг осекся.

– Старый, – громко зашептал он. – Старый!

– Ну чего тебе? – сержант оторвался от своего занятия и посмотрел на него. Повар взглядом показал на девушку. Анзурат, держа ложку на полпути ко рту, клевала носом. Глаза слипались. Девушка отчаянно боролась со сном. Усталость от долгого перехода по ущелью и напряжение от пережитого давали о себе знать.

– Понятно, – сержант отложил ветошь и вышел из столовой.

– Эй, боец! Ко мне! – скомандовал он пробегающему мимо срочнику. Тот подбежал к нему, козырнул.

– Слушай мою команду. Берешь еще одного и мухой в ка-

зарму! Очистить от хлама самый дальний угол, вымыть полы, поставить кровать и тумбочку, занавесить все плащ-палатками. Вам тридцать минут. Время пошло!

– Так точно, товарищ полковник. Паспорт видел. Наш, советский. Хайдарова Анзурат... отчество не помню, уж больно ее батьку как-то мудрено зовут. Шестьдесят пятого года рождения. Душанбе. Она сначала в госпитале в Пешаваре работала, потом в кишлак тот самый отправили, на помощь местным врачам. Да я в рапорте все подробно написал. Никак нет, товарищ полковник. Никто ее не обижает. На довольствие поставили. Она нашему врачу в санчасти помогает, говорит, толковая барышня. Когда? Понял, товарищ полковник. Добро, товарищ полковник!

Прапорщик Зимин положил трубку походной рации. Крикнул стоящему за дверью бойцу.

– Сержанта Старцева и гражданскую ко мне!

– Значит так, завтра встречаем вертушки с боеприпасами, продуктами и почтой. Твоя задача, Старцев, обеспечить разгрузку силами своего отделения. Затем грузите туда тяжелых «трехсотых», если место останется, то и легких тоже.

– Сделаем, – лениво бросил Старцев. Он сидел на пустом ящике, привалившись спиной к стене и закинув ногу на ногу.

Зимин только головой покачал: никакой субординации. Повернулся к Анзурат.

– А ты, Анзурат, улетаешь с ними.

– То есть как? – переспросил Старцев. Ленивое выражение моментально слетело с лица.

– Приказ командования, – прапорщик кивнул в сторону рации.

– И куда меня? – спросила Анзурат. За неделю своего пребывания здесь она заметно преобразилась. Исчезла та запуганность в глазах, роскошные черные волосы были убраны в строгий жгут, новенькая, ушитая «афганка» сидела как влитая на стройной фигурке. Даже не по размеру кроссовки, с сильно затянутыми шнурками, не портили общий вид.

– Сначала в Кабул в штаб, уладить формальности. Оттуда транспортным самолетом в Союз. Домой летишь, девочка! К мамке с папкой.

– Можно я останусь? – робко спросила Анзурат. – В санчасти всегда есть работа.

– Можно Машку за ляжку, а в армии говорят «разрешите», – хмуро бросил Зимин.

– Разрешите я останусь, – повторила девушка, скользнула взглядом в сторону Старцева и опустила глаза.

– Во-первых, это приказ, причем, не мой, – жестко ответил прапорщик. – Во-вторых, здесь тебе не санаторий. Здесь война! А тебе жить надо, детей рожать.

– А им? – Анзурат показала на Старцева.

– Что им? – не понял Зимин.

– Им жить не надо? Ради чего они здесь?! – голос Анзурат

зазвенел от напряжения, она в первый раз осмелилась разговаривать с Зиминным в таком тоне.

Прапорщик вытащил сигареты, прикурил. Выпустил облачко дыма в низкий потолок. Наконец сказал:

– Я тебе отвечу, как военный: они выполняют свой интернациональный долг. И я тебе отвечу, как сын, муж, отец двух сыновей: я понятия не имею, в чем этот долг заключается!

Они прощались. Высокий, широкоплечий десантник и маленькая смуглая девушка. В нескольких метрах от них стояли два пятнистых Ми-24. Лопасты с ревом набирали обороты, взметая вокруг песчаную пыль.

– Ты береги себя, Олег! – в черных глазах навернулись слезы.

– Да что со мной случится-то?! – севшим от волнения голосом ответил Старцев. – Это ты себя береги. Пиши мне обязательно.

Девушка привстала на носочки и порывисто обняла его. Поцеловала в небритую щеку. Затем, пригибаясь и прикрывая рукой глаза от поднявшейся пыли, побежала в сторону вертолетов.

Старцев долго смотрел вслед вертушкам, пока те не превратилась в маленькие черные точки и окончательно не растворились в рваных облаках афганского неба.

– Вызывали, товарищ прапорщик?

– Заходи, Старцев!

Сержант, усевшись на пустой ящик для патронов, положил автомат на колени и вопросительно уставился на прапорщика.

– Тут такое дело... – Зимин помялся. – В общем, вертолет сбили.

– Какой вертолет? – спросил сержант. Внезапно он все понял. Внутри похолодело, руки до боли впились в цевье автомата, но он все равно повторил вопрос. – Какой вертолет, товарищ прапорщик?!

– Какой-какой! Ты меня прекрасно понял! – в сердцах прикрикнул Зимин и отвернулся. – Тот самый... с Анзурат. Со слов пилота второй вертушки, они уже почти перевал прошли. Тут духи со «Стингером» ... Машину прямо в воздухе разорвало...

Полковник Старцев, в небрежно накинутом на плечи кителе, сидел за столом своего домашнего кабинета и рассматривал фотографии. Черно-белые любительские снимки, выцветшие от времени. В комнату вошла семнадцатилетняя дочь.

– Пап, ты решил поностальгировать? – пошутила она. Присела рядом. Взглянула на общую фотографию в его руках.

– Это моя родная рота, дочь. Вот смотри! Этот хмурый мужчина с сигаретой – прапорщик Зимин, легендарный му-

жик, погиб в 87-м. А этот пухлый, с хитрым лицом – Рассохин, кашевар, хороший парень, но готовил отвратительно... Вот этот дедуля – старшина-каптер, редкий скряга, но иногда страдавший приступами щедрости. Вот этот здоровяк и эти двое в бронежилетах – единственные, кто остался в живых из моего отделения. С одним, вот с этим парнем, вместе в Академию поступали. А это – я. Не узнать, правда?

– А кто эта девушка? Рядом с тобой? Красивая такая! – дочь показала на маленькую женскую фигурку посередине.

Полковник с грустью провел пальцем по изображению улыбающейся девушки со строго убранными волосами и в ладно сидящей форме-афганке.

– Эта очень хорошая девушка, дочь. Ее звали Анзурат.

Не теряй себя

– Я стихи пишу! – призналась Женя.

– Да неужели? – ответила Алина, закуривая. Женя, никогда не курившая, поморщилась и замахала, рассеивая дым.

– Да! Знаешь, сегодня ночью вдруг проснулась и почувствовала вдохновение. Взяла ручку, тетрадь, и рука будто сама начала писать! – восторженно сказала Женя. – Хочешь почитать?

Алина скривилась.

– Ты знаешь, я как-то поэзию не очень, – неуверенно начала она.

– Ну, Алька! Ну, пожалуйста!

– Ну давай! – сдалась Алина. – Посмотрим, что ты там накарябала, на мой обывательский вкус.

Женя порылась в ящике стола и вытащила тонкую ученическую тетрадь. Раскрыла, протянула подруге.

– Вот! Тут три стихотворения! – гордо сказала она.

Алина читала недолго, затягиваясь сигаретой и хмыкая. Вернула тетрадь.

– Ну как? – Женя смотрела с надеждой.

– По мне так хрень сопливая, – вердикт был жесток. У Жени задрожал подбородок. Она скомкала тетрадь и выбросила в корзину под столом.

– Ну и ладно! – согласилась она, пытаясь не заплакать. –

Поэта из меня не получилось! Ты права.

Алина вздохнула и отвернулась к окну. Глядела на отражение подруги, борясь с желанием вклеить ей леща.

– Слушай, Жэка! У тебя своего мнения в принципе не бывает?

– Ты о чем? – удивилась Женя.

– Я о том, что ты постоянно спрашиваешь чужое! – Алина раздраженно затушила сигарету. – Ты знакомишься с парнем, тащишь его в нашу компанию и спрашиваешь, какой он на наш взгляд? Ты выбираешь себе платье и присылаешь нам фотку из магазина, причем так – массово, всем, типа мнения собираешь. Ты пишешь стихи и спрашиваешь мнение того, кто в этом ни хрена не понимает, то есть меня! Сколько можно уже?!

– А что в этом плохого? – искренне недоумевала Женя. – Я советуюсь!

– Ты не советуешься! – воскликнула Алина. – Ты живешь советами других! Своей головы нет, что ли?!

– Что ты кричишь на меня? – возмутилась Женя.

– Да я не кричу, Жэка, – Алина вздохнула. – Но даже не в этом твоя главная проблема!

– А в чем?

– В том, что ты безоговорочно веришь нашему субъективному взгляду! Тебе сказали, что платье тебе не идет, и ты вместо него покупаешь тридцатую пару джинсов, хотя платье все-таки хотелось, так? Ты до сих пор одна, потому что,

видите ли, Машка сказала, что он тебе не пара. А почему не пара – это уже дело десятое, главное – Машка сказала, а она же опытная, три раза замужем была. Ты выкидываешь тетрадь со стихами только потому, что я не оценила. Ну или грубо выразилась, признаю... Один раз спросила совета, второй, но не постоянно же! Так можно и себя потерять, знаешь ли...

– И что мне делать?

– Тьфу ты! – Алина уже начала заводиться. – Пробовать и ошибаться! И снова пробовать! И даже не пробовать – делать! Нарращивать опыт. И броню! А то раскисла сразу!

Женька застыла в замешательстве.

– Тетрадь достань! – скомандовала Алина.

– Зачем? – возмутилась подруга. – Не наглумилась вдоволь?

Поежившись под немигающим взглядом подруги, вытащила тетрадь из мусорной корзины. Алина аккуратно расправила мятые странички. Сделала несколько снимков на телефон. Затем набрала кого-то.

– Привет! Это я! – сказала она невидимому абоненту. – Нужен твой профессиональный взгляд. Сейчас тебе фотки отправлю. Перезвони мне.

Она поковырялась в смартфоне. Затем отложила в сторону.

– Ты кому это отправила? – испуганно спросила Женька.

– Советы, дорогая моя, нужно спрашивать только у тех,

кто в этом действительно сечет! И то, только после того, как сформируешь свое мнение и остались сомнения!

Телефон зазвонил через пять минут.

– Слушаю тебя! – деловито сказала Алина. – Толково? Самобытно? Ага, я тебя поняла... Не, не мои, конечно. Я только две рифмы знаю: палка-копалка, езда-поезда... Да, тут рядом. А что? Так... Сейчас? Минуту.

Она закрыла телефон рукой.

– Время есть? – спросила у подруги. Та кивнула.

– Собирайся тогда, поедем! – скомандовала она и снова приложила телефон к уху. – Мы едем!

Спрятала телефон.

– Кто это? – спросила Женька.

– Знакомый один. Большой ценитель поэзии и по совместительству мой воздыхатель. Занимается продвижением молодых поэтов. И не совсем молодых тоже.

– Это ты сейчас на мой возраст намекнула!

– Собирайся! Тетрадь не забудь!

Два года спустя. Книжный магазин...

Девушка смотрела с восхищением на сидящую перед ней известную поэтессу. Бережно взяла протянутую книгу с автографом автора. Прижала к себе.

– Евгения Александровна! Ваши стихи – это просто космос! Спасибо вам!

– Вам спасибо! – Женя улыбнулась. Девушка смущенно кивнула и отошла в сторону, уступая место следующему в

очереди. Мужчина протянул книгу.

– Кому? – спросила Женя, глядя в его симпатичное лицо.

– Евгению, – с улыбкой ответил он.

Женя аккуратно написала на титульном листе: «Дорогому тезке от автора с наилучшими пожеланиями!». Размашисто завизировала. Протянула обратно.

– И номер телефона, пожалуйста! – попросил Евгений. – Если вы не против, конечно.

Женя была не против. Черкнула номер. Он бережно взял книгу из ее рук и сказал.

– Вы прекрасный поэт! Очень необычный. И просто красивая женщина. Очень надеюсь на продолжение знакомства завтра. Я позвоню вам сегодня вечером.

Женя заинтересованно проводила его взглядом. Затем повернулась к следующему поклоннику ее таланта.

– Для кого? – улыбнулась она...

– Не знал, что у тебя такие подруги есть! Очень понравилась. – признался Евгений, прижав телефон к уху и листая книгу. – Надеюсь, что я ей тоже.

– Почитай ее стихи перед свиданием! – рассмеялась Али-на. – А то какой ты к лешему поклонник, если даже строчки не знаешь из ее творений? И еще, Евгеша! Обидишь ее – убью!

Неравнодушная

Расстроенная гитара противно дребезжала нейлоновыми струнами, а паренек выл «Группу крови» таким гнусавым голосом, что хотелось просто вздеть руки к звездному летнему небу и, закрыв глаза, виновато прошептать: Витя, прости!

В конце концов Вере это надоело. Она встала со скамейки. Оглядела компанию подростков.

– Всем покеда! – махнула на прощание.

– Вер, ты куда? – Алик прекратил насиловать гитару. – Время детское. Пивко еще осталось. Сейчас пацаны шмаль принесут, раскуримся.

– Не, я домой. Застебало уже.

Вошла в подъезд и пошла вверх по лестнице. Минувя второй этаж, за дверью одной из квартир услышала громкие женские визги, матерную мужскую ругань и детский плач.

«Семейные разборки...», – равнодушно подумала Вера. Она уже было поднялась выше на один пролет, как вдруг дверь внизу открылась.

– Иди, погуляй! – послышался пьяный женский голос. Дверь захлопнулась. Вера отошла назад, присела и посмотрела сквозь перила. Перед дверью стоял маленький мальчик, лет четырех, растерянно озираясь вокруг. Он с трудом вскарабкался на ящик для картошки и, уткнувшись в коленки, заплакал.

Вера спустилась. Подошла к нему и тронула за руку. Мальчишка поднял на нее глаза, полные слез. Размазал по немытому лицу.

«Что же с тобой делать?», – задумалась Вера.

В свои шестнадцать лет она уже имела обширные практические знания: как нужно предохраняться, чтобы не залететь от Алика; как правильно забить косяк, чтобы потом раскумариться и побалдеть; что напеть ментам, если вдруг не успела скинуть завертон с травой и попалась, и многое-многое другое... Но что делать с этим маленьким плачущим мальчиком – она решительно не знала.

– Тебя из дома выгнали? – спросила она, понимая неуместность вопроса. Мальчишка закивал, его лицо скривилось, и он готов был снова зареветь.

– Не плачь, слышишь?! – Вера топнула ногой. Подошла к двери, прислушалась. Теперь из квартиры доносились пьяный смех и звон стаканов. Нажала на оплавленный малолетним хулиганьем звонок. Послышалось шорканье шагов.

– Кто там еще? – донеслось недовольное.

– Соседка! С пятого! Вы почему ребенка ночью из дома выгнали?!

– Что-о-о? Какая к херам соседка?! – дверь открылась, и из квартиры выглянуло странное существо, лишь отдаленно напоминающее женщину. Роба спитая донельзя, всклокоченные волосы отдавали сальным блеском, маленькие глазки подернуты мутной дымкой. От нее ощутимо разило перега-

ром и невымытым телом. Вера видела ее сегодня во дворе, шагающую на автопилоте и прижимающую к себе пакеты, в которых что-то красноречиво позвякивало. Но если днем она выглядела еще терпимо, то сейчас...

Тетка запахнула свой дырявый халат и угрожающе уставилась на Веру.

– Кто такая?!

– Соседка, говорю же! – Вера уже справилась с шоком от ее вида. – Скоро двенадцать ночи, а вы...

– Эй, Родька! Ну-ка, иди сюда! – крикнула женщина в глубь квартиры. – Тут мне какая-то малолетка что-то предъявить хочет!

Из комнаты вывалился Родька. Болезненно худой тип, весь синий от наколок, тематика которых не оставляла сомнений – Родька был опытным сидельцем. Он, качаясь, подошел к двери, оперся разрисованной рукой об косяк.

– Чё за кипиш? – отпрыгнул он.

– Говорит, что я своего ребенка на улицу выгнала! Прикинь! – тетка воинственно подбоченилась.

– Ты чё тут барагозишь?! – моментально вскинулся Родька. – Кто кого выгнал?! Ты за метлой следи!

У Веры был выбор: либо сейчас прекратить этот бесполезный и опасный разговор, либо и дальше бодаться с этими уродами, но уже с очевидными для нее печальными последствиями. Она выбрала первое.

– Хорошо, извините, – сказал она.

– В-о-о, совсем другой базар, – расплылся в гнилозубой улыбке Родька. – Слушай, а ты ничё такая. Заходи, посидим. Я вчера с зоны откинулся. Отметим это дело...

– Что-о-о?! – возмутилась тетка и влепила ему пощечину. – Кобелина!

Повернулась к Вере.

– Вали отсюда! – крикнула она и захлопнула дверь. На сына, сидящего от нее в паре метров, она даже не взглянула.

Вера включила свет в прихожей, запустила мальчика.

– Ты, наверное, хавать хочешь? Сейчас что-нибудь придумаю. Давай заходи!

Мальчик скинул старые кеды и вопросительно посмотрел на Веру. Она подтолкнула его в сторону кухни.

– Садись! – приказала она, показывая на обшарпанную табуретку. Заглянула в холодильник. Вытащила сливочное масло и пару яиц. Чиркнула спичкой, поставила на огонь сковородку.

– Тебя как зовут? – спросила она, стоя спиной.

– Кирюша, – ответил маленький гость.

– Кирюша значит. А меня Вера. Сейчас поешь и спать, понял?

Кирюша закивал. Вера жарила яичницу и думала. Ну, ладно, накормит она его, переночует он, а дальше что? Отправлять его обратно в эту долбанную семейку, что ли? Опять выгонят, а может что и похуже... Надо думать...

Пока Кирюша с аппетитом жевал яичницу, запивая сладким чаем, Вера сидела на подоконнике и курила в форточку.

– А мама твоя где? – Кирюша уже освоился. По крайней мере, Вера уже не видела в его глазах былой затравленности и страха.

– Мамка в рейсе. Она проводницей работает, – ответила Вера и добавила неохотно, – А отца я не видела ни разу.

Она накрыла его старым пледом и выключила свет в комнате. Затащила в кухню телефон, разматывая длинный шнур. Закрылась. Пальцы закрутили диск, набирая номер сестры матери, тети Кати.

– Алло? Теть Кать, привет! – зашептала Вера в трубку, поглядывая на настенные часы: пятнадцать минут первого.

– Не, ничего не случилось, – продолжала Вера, – Слушай, теть Кать. А если вот у соседей ребенок маленький, а они синячат и из дома его выгоняют, что делать? Сколько ребенку? Ну, года четыре, наверное... Ну, это понятно, что милиция... А дальше что будет? А-а-а, родительских прав... А с ребенком что будет? Детский дом? Фигово... Что? Родственники могут оформить опеку? А хрен их знает, есть они или нет! Ой, теть Кать, прости-прости. Вырвалось. Ладно, теть Кать, я поняла... Спасибо. Мама? Нормально мама. Через три дня возвращается. Ага, пока, теть Кать.

Вера залезла на подоконник, вытащила сигареты. Щелкнула зажигалкой. Ситуация... С одной стороны ей, свободо-

любивому подростку, не хотелось возиться с незнакомым соседским ребенком, но с другой стороны, представив его, такого маленького, в детском доме, ей стало не по себе.

При всей бесшабашности, у Веры было доброе сердце, хотя она этого не показывала, всячески маскируя за показной бравадой и напускной крутостью. Материлась, курила, пила пиво, попыхивала травку, разве что по вене не ширялась. В общем, была похожа на многих своих сверстников той печальной эпохи начала 90-х... Мать тянула ее одна, работая проводником в поездах дальнего следования, неделями отсутствуя дома и предоставив дочь самой себе. Вера маму жалела, старалась экономно тратить оставленные на продукты деньги, поддерживала порядок в давно требующей ремонта однокомнатной квартире, компании не водила, хотя соблазн зависнуть в пустой хате и хорошенько оттянуться – был всегда.

«Ладно, завтра подумаю,», – зевнула она. Слезла с подоконника. Вышла из кухни и осторожно шмыгнула в комнату. Поправила сползший с мальчика плед и завалилась, не раздеваясь, на раскладушку матери.

Родька тянул к ней свои синие от наколок руки, плотно улыбаясь. Позади него, с бигуди в своих невымытых волосах, ухмылялась тетка и точила огромный столовый нож. Еще дальше стоял участковый, блаженно улыбающийся и рисующий на стене фломастером солнышко.

– Вера! Мы к тебе пришли! – вдруг заорала вся троица.

Вера скатилась с раскладушки, просыпаясь. Провела по покрытому холодной испариной лбу.

«Фу, блин, приснится же...», – с облегчением подумала она, переводя дыхание. А в дверь уже настойчиво звонили. Вера, бросив взгляд на безмятежно спавшего на диване малыша, пошла открывать.

На пороге стоял участковый, позади него хмурилась вчерашняя тетка со следами ночных возлияний.

– Ковалева! Ты совсем уже с дуба рухнула?! – с угрозой произнес участковый. Тетка заголосила.

– Ребеночка моего украла! Паршивка!

Участковый поморщился, повернулся к ней.

– Хватит орать! Это точно она?!

– Она, она! Сама сказала, что с пятого этажа! Вам, спрашивает, ребенок не нужен? А я спросонья отвечаю, какой ребенок? Нет, мол, не нужен. А потом оказалось, что Кирюшенки моего нет. Крови-и-иночка моя!

Ложь была настолько откровенной и наглой, что Вера не выдержала.

– С какого спросонья, дура?! Ты кривая была в хлам! Ребенка сама выгнала, орешь тут еще!

– Так, Ковалева! – нахмурился участковый. – Ты не выражайся тут! Ребенок у тебя?

– У меня. Спит, – буркнула Вера, посторонившись. – В комнате.

Участковый вошел в квартиру, тетка тоже было попыталась, но Вера встала на ее пути.

– А тебя никто не приглашал! Только попробуй сюда ноздри свои запилить, сразу в табло схлопочешь!

– Ты ох...ела, что ли?! – заголосила тетка. – Ребенка мне отдай!

– Так! Обе там угомонились! – рывкнул из комнаты участковый. Через секунду он вывел заспанного Кирюшу.

– Сыночек! – тетка отпихнула Веру и бросилась к мальчику. Тот, потирая кулачками глаза, удивленно таращился на мать. Видно проявление такой неземной материнской любви он видел впервые.

– Забирайте ребенка и идите. А с тобой, Ковалева, мы поговорим!

Кирюша неохотно последовал за матерью. Проходя мимо девушки, он вдруг вытряхнул свою ручку из руки матери, обнял Веру за ногу и разревелся.

– Не пойду! – завыл он.

Немая сцена... Все просто потеряли дар речи. Участковый снял фуражку и растерянно взирал на происходящее. Тетка, аж присев прямо на пол, открыла рот от удивления. А Вера, пораженно замерев, гладила его по светлым спутанным волосам.

Первой опомнилась тетка. Дернула его за руку, отрывая от Веры.

– Ну-ка, пойдём, маленький говнюк! – вся показная мате-

ринская забота слетела как с белых яблонь дым. Размахнулась и ударила его ладонью в затылок. Затем еще раз. Мальчишка завыл белугой, роняя крупные слезы.

– Ах ты! – Вера быстро отодвинула плачущего мальчишку себе за спину. Размахнулась и со всего размаху ударила тетку в ухо. Неумело, но от всей своей молодой шестнадцатилетней души. Тетка, истошно заверещав, завертелась на полу. Вера накинута на нее сверху, молотя кулаками без разбора. Тетка отчаянно сопротивлялась, но молодость побеждала. Вера вскочила, вцепилась в ее волосы и потащила к двери.

Участковый, наконец-то выйдя из комы, бросился их разнимать.

– Успокойтесь!!! – он схватил ревушую от ярости Веру, оттащил ее в комнату, бросил на диван и закрыл дверь, навалился на нее плечом. Вера, размахивая зажатými в кулаках ключьями волос, ринулась обратно. Забарабанила по двери.

– Если с ним что-то случится, я тебя порву! – орала Вера, пиная дверь.

– Идите! – слышалось за дверью. – Я еще потом с вами поговорю! У меня к вам появилось очень много вопросов!

Входная дверь захлопнулась. Все стихло. Почти сразу же открылась дверь в комнату.

– Ковалева! Это что было?! – заорал участковый.

Вера брезгливо стряхивала с ладоней ключья волос.

– Какой еще уголовник? – переспросил участковый.

– Обыкновенный. Весь под хохлому разрисованный.

Родька.

– Ну, это мы проверим еще.

– Проверяйте, – фыркнула Вера. – А можно вопрос?

– Ну попробуй, – усмехнулся участковый.

– А почему на вашем участке проживает бухающая мать с уголовником, и вместе с ними маленький мальчик. А вы будто ни при делах?

– Ковалева, у меня десять многоквартирных домов! За всем не уследишь! Такой ответ устраивает?

– Не устраивает! – огрызнулась Вера.

– Зато мне твоя личность хорошо знакома, Ковалева. Три привода за последние полгода. А сейчас еще эта мамаша напишет заявление на тебя, и пойдешь ты в колонию. Хочешь?

– Не хочу, – буркнула Вера. Перспектива оказаться на скамье подсудимых ей совсем не мурчала.

Участковый встал.

– Пойду навещу этого Родьку.

– Скажите, а если ее лишат родительских прав, то мальчика в детский дом, да? – спросила Вера.

– Вопрос лишения – это дело не одного дня, там еще комиссия специальная будет. Но если так, то да.

– А я слышала, что родственники могут забрать, ну, под опеку.

– Это верно, но там тоже свои правила. И, естественно,

нужно наличие и желание этих самых родственников.

– А я? Я могу? – Вера уставилась на него с надеждой.

– Ты?! – участковый присел обратно на табуретку. – Ты меня удивляешь, Ковалева. То ты, обкурившись всякой гадости, обкидываешь милицейский патруль презервативами с водой, то хочешь взять на воспитание ребенка. Ты определись, кто ты? Мать Тереза или хулиганье подзаборное?

Вера покраснела. Ну да, было дело... Травка тогда забористая была...

– Впрочем, сути это не меняет. – продолжил участковый, видно удовлетворенный ее реакцией. – Ты не можешь, тут без вариантов. Ты ему никто, и сама еще несовершеннолетняя.

Он снова встал. Подошел к двери. Обернулся.

– Ковалева. Скажу тебе между нами, без протокола, так сказать. Ты правильно поступила сегодня. Молодец! Из тебя выйдет хорошая мать. Если не скуришься раньше времени.

Вера на цыпочках спустилась на третий этаж. Прислушалась к разговору внизу.

– Начальник, да я тут вообще ни при делах! – испуганно оправдывался Родька. – Это Натаха все! Я ей говорил, зачем мальчонку на ночь глядя на улицу? А она, у нас типа однокомнатная, места мало, да и на улице тепло. Ну вот такая долбаная мамаша! А ты на меня телегу не кати, начальник. Я честно отсидел, вот у меня даже справка об освобождении

есть. Ты глянь, начальник! Я с Натахой-то так, краями знаком. Ну, упал у нее после отсидки, погудели малёха. Это что, уже запрещается? Да я прямо сейчас сваливаю, на кой ляд мне эти проблемы, начальник?

– Вы никуда не сваливаете, пока не будут выяснены все обстоятельства. Зайдите в квартиру, мне надо поговорить с вами и с матерью мальчика.

Дверь закрылась.

Галина улыбнулась гостю.

– Проходи, Верочка. Кирилл все про тебя спрашивал, когда Вера придет, когда придет? Кирюша, Вера пришла! Дождался!

Мальчик вылетел из комнаты и буквально запрыгнул на шею Веры. Вера обняла малыша, зарывшись носом в его чистые, пахнущие детским шампунем, волосы. Поцеловала в щеку.

– Привет, мой хороший! Ты извини, что не приходила. Учеба, все дела. Ну, как ты тут?

– Хорошо! – счастливо улыбнулся Кирюша. – Мама Галя меня азбуке учит. Я теперь целых восемь букв знаю! А папа Вова мне купил кон.. котукстор... констук.... Уф, забыл это слово.

– Конструктор? – подсказала Вера, прижимая его к себе.

– Да! – засмеялся малыш.

Они сидели в просторной гостиной и пили чай. Кирюша

играл на полу большой пожарной машиной, подарком Веры.

– Плохая наследственность, Вера, – вздыхала Галина. – Отец наш пил по-черному. Когда Наташка родилась, он уже тогда неслабо закладывал, я это хорошо помню. А когда к власти пришел Горбачев и ввел сухой закон, думаешь это помогло? Куда там! Стал пить все, что горит! Так и отравился денатуратом, не откачали. И Наташка видно по отцовским стопам пошла. Потихоньку, незаметно стала спиваться. Я на нее пыталась влиять, бутылку отбирала. Чуть ли не до драки доходило. Разругались в пух и прах. Не общались долгое время. Я даже то, что она родила, узнала от третьих лиц. А тут мне звонят и говорят, что вашу младшую сестру лишают родительских прав! Ну, мы с Вовой поднапряглись, побежали бумажки пособирали, добились опеки на мальчиком – не чужие же мы ему, в конце концов! Дай Бог, чтобы пьяные гены матери не передались Кирюше...

– А ваш родной сын где? – спросила Вера.

– В армии. Скоро вернется. Обрадовался, что младший брат появился. Теперь вы, говорит, его воспитывайте, а от меня, предки, отстаньте – я уже взрослый. И смеется.

– Вер, ты зазналась, что ли? – обиженно спросил Алик. – С нами не тусишь, не звонишь.

– А надоело мне это все, Алик! Одно и то же каждый день! Тусовки эти все, куришка, бухашка... Кстати, я курить бросила!

– Вот как? – усмехнулся Алик. – В монастырь собралась?

– В институт! В медицинский буду поступать после школы!

Наши дни...

– Коллеги, всем спасибо! Вы отлично справились!

– Вам спасибо, Вера Алексеевна.

Вера вышла из операционной, покрутила головой, разминая шею. Поднялась на второй этаж, на ходу доставая ключ. Открыла дверь с табличкой «Заведующая отделением нейрохирургии». Вошла и устало села в кресло. С наслаждением вытянула гудящие от долгого стояния за операционным столом ноги. На столе завибрировал телефон. Глянула на экран – муж.

– Ну наконец-то! – голос мужа звучал укоризненно. – Уж в свой-то день рождения можно было бы не оперировать? Когда тебя ждать? Все уже собрались.

– Привет! – улыбнулась Вера. – Извини, не могла удержаться. Уж больно интересный и сложный случай. Скоро буду. Кто приехал?

– Ну, как обычно! Одни и те же на манеже! – засмеялся муж. – Дочь наша с мужем, Кирилл с невестой, мама твоя, мои родители. Как обычно – узкий семейный круг. Все сидят и ждут именинницу, а ты... Эх ты!

– Эх я! – засмеялась Вера. – Скоро буду!

Кто знает, как бы сложились судьбы Веры и Кирилла, не встретятся они ночью, на лестничной площадке второго эта-

жа, почти тридцать лет назад... Хотя, к чему гадать? Все произошло так, как и должно было произойти. Пока есть на свете равнодушные люди, пока одному человеку не плевать на судьбу другого, пусть даже незнакомого, этот мир будет существовать! Это закон, оспорить который не сможет никто и никогда...

Несопливая история

Наташа вертелась перед зеркалом. Свадебное платье сидело словно седло на зайце – деревенский модельер тетя Паня изрядно закладывала, поэтому к работе своей относилась, мягко говоря, спустя рукава. Кстати, один рукав платья был немного длиннее другого, но об этом никому говорить не надо! Наташа, у которой напрочь отсутствовал вкус, платьем была довольна. К тому же, пошив свадебного наряда обошелся всего в две бутылки самогона, а материалом послужили панталоны и пара сарафанов из кремовой тафты, найденные в бабушкином сундучке.

– Ну как? – спросила она Варю. Та лениво ковыряла сердцевину яблока, вытаскивая семечки. Ей кто-то сказал, что яблочные семечки жуть как полезные, чуть ли не панацея от всех недугов. Варя никакими болезнями не страдала. Так, для профилактики если только...

– Нормально, – с сомнением ответила она и поморщилась – семечки были горькие.

– И всё? – ответ подруги Наташе не понравился. Она ждала восхищения, обожания и восторга. Завидует, наверное... И неудивительно! Ибо кто на такую позарится? Толстая и страшенькая. Не то, что она – мечта каждого мужчины. Самомнения Наташе было не занимать, она себя видела весьма привлекательной, а в масштабах родной деревни так вообще

– звездой первой величины!

Но ее подруга Варя совсем не была страшной. А очень даже наоборот! Миловидная, с большими серыми глазами и копной русых волос. Немного пухленькая, да. Но это несколько ее не портило, наоборот, придавало привлекательности. А еще, в отличие от злобной и циничной подруги, обладала весьма мягким характером.

– И всё, – подтвердила Варя. – Мне вот Семена жалко. Зря ты так с ним!

– Не он первый, не он последний! – отмахнулась Наташа и поправила на спине нелепый, словно пропеллер у Карлсона, бант. – Написала ему письмо жалостливое, остальное – его проблемы!

– Может надо было дождаться, а? – возразила Варя. – И сказать прямо, в лицо?

– Ждать еще четыре месяца?! Вот еще! – фыркнула Наташа, отчего ее вытянутое рябое лицо приобрело еще более отталкивающее выражение. – Ты за него или за меня?

Варя закинула семечку в рот, пожевала. Подумав, ответила:

– Я за справедливость!

Сержанту Семену Ледогорову было абсолютно плевать на ее извинения и объяснения. На все эти нелепые «прости и пойми». Он сжег письмо, прихлопнул сморщившийся обугленный тетрадный лист кованым сапогом. Растер по вы-

щербленному кафелю курилки. Вытащил сигареты.

Ситуация была типичной: пока он служит, она выходит замуж за другого. Вот такая вот проза жизни... Уж сколько про это было фильмов снято, песен спето и стихов написано – не меряно! И все это исполнено такой, кота за яйца тянущей, тоскливой лирикой, что просто вешайся! И только солдатский незамысловатый фольклор дает этому явлению четкое определение: «Солдат охраняет сон не только своей девушки, но и парня, который с ней спит». Вот так вот, ясно, по-военному, ибо нехер тут словоблудить!

«Так, значит, со мной? – размышлял Семен. – Ла-а-а-дно. Будем наказывать! Ее и его!»

– Митяй! – крикнул он. Через секунду в дверях курилки появилось круглое лицо старшего сержанта Митькова. Как всегда с подобострастным выражением.

– Митяй! В караул меня разводящим ставь! – приказал Ледогоров старшему по званию Митькову.

– Но, Сема, караульный лист уже расписан! – возразил Митяй. – И подписан.

Поежился под тяжелым взглядом светлых водянистых глаз Ледогорова.

– Ладно, поставлю.

– Иди служи! – одобрительно ответил Ледогоров и щелчком отправил сигарету в урну. Встал со скамейки. Надо готовиться к караулу.

Семен бежал по ночному лесу, закинув автомат на спину. На ремне болтались штык-нож и подсумок с двумя магазинами. Бронежилет и каску, лишнюю тяжесть, он оставил у той дыры в заборе караулки, через которую выбрался за территорию части.

Темно-то как! Сапог запнулся о корягу, и Семен кубарем полетел по сырой земле. Потирая ушибленную ногу ободранными ладонями, утешал себя мыслью о скорой праведной мести. К слову, убивать он никого не собирался, но попугать считал необходимым. Пусть знают, что нельзя так с ним, Семеном Ледогоровым, сержантом советской армии, поступать!

Встал, отряхнулся и побежал дальше по еле видной, освещенной тусклой луной, тропинке. До родной деревни оставалось около десяти километров. Конечно, проще было бы по трассе, но он не на прогулке, а на спине у него не рюкзак с ирисками. И он не турист, а самый что ни на есть дезертир, да еще сбежавший с боевого поста с оружием.

«Через час смену отводить. Значит, у меня есть час, пока в части не прочухали... А там, будь что будет!»

Семен прибавил ходу. Автомат больно бил по спине, на ремне болтались штык-нож и подсумок с магазинами...

Варя зевала у окна. Глаза слипались. Надо ложиться спать. У соседей залаяла собака, обычно мирная и ленивая. Варя открыла настежь окно и увидела чью-то длинную тень, пол-

зущую по заборам. Через пару секунд тень материализовалась в Семена, крадущегося по улице, с автоматом в руке.

– Сема! – громко зашептала Варя. – Семка!

Семен испуганно пригнулся, повертел головой.

– Ты чего удумал, паразит?! – Варя аж ногой топнула.

Семен с облегчением выдохнул.

– Иди спать! – отмахнулся он и продолжил движение в сторону Наташкиного дома.

– Ты откуда здесь?! – продолжала допытываться Варя. – Ты сбежал, что ли?

– Нет, дембельнулся! Досрочно! – огрызнулся Семен.

– А автомат откуда? – наседала Варя.

– Подарили! За хорошую службу! – взбесился Семен. –

Отвали!

Варя, ругаясь, побежала к двери, выскочила на улицу. Семен уже перелез через Наташкин забор и исчез в темноте двора.

Наташка храпела как взвод портовых грузчиков. Она возлежала на широкой кровати, раскинув руки и ноги. Ей снилась свадьба. Желтый Москвич, украшенный лентами, на переднем бампере – обязательная кукла с фатой из занавесок. Улыбающиеся гости, поздравляющие ее со вступлением в законный брак, завистливые взгляды всех ее страшных подруг-неудачниц, в обязательной перспективе – старых дев. Еще какие-то пьяные рожи. Все восторгаются ее вели-

колепным платьем, изысканным вкусом и неземной красотой. Громко кричат «Горько!», слышится звон граненых стаканов и восторженные тосты, и над всем этим великолепием кружит аист, предвестник семейного счастья. Аист снился не зря – Наташка была беременна...

Грохот разбитого стекла, стук камня о половицу. Наташка открыла глаза и замычала в ужасе. За окном стоял Семен. Он просунул руку в дыру в стекле, отодвинул шпингалет. Рамы распахнулись, и вот он уже сидит на подоконнике. Вид ее бывшего парня, освещенного луной, был устрашающим, а автомат в руке дополнял зловещую картинку. Наташка в ужасе прикрылась одеялом. Зажмурилась.

– Удивлена? – Семен прыгнул на пол. Зажег настольную лампу. Он был настолько усталым, что его качало. Тяжело опустился на стул. Положил автомат на колени.

– Сема! Семочка! – запричитала Наташка.

– Заткнись! А почему ты одна? – Сема вытер рукавом грязный лоб.

– Родители уехали в райцентр к тетке, – провыла Наташка.

– Я не об этом! Почему ты спишь одна? Где этот интеллигентшишка Колосов, на которого ты меня променяла? – зло прошипел Семен. – Где этот хрен с ушами?

– Дома. Семочка, не надо! – проныла Наташка.

В дверь заколотили. Семен вскочил, передернул затворную раму автомата. Встал у входа в комнату, прижался к стене. Грязный палец лег на спусковой крючок.

– Семка! Скотина такая! Я же знаю, ты там! – Варя пинала дверь. – Открывай! Или я сейчас до участкового сбегаю! Я сейчас в окно залезу!

Семен выругался. Ну и дура же! Вот что она лезет?! К ней у него вообще никаких претензий! Сопела бы в две дырочки в своей кровати... Так нет же, пришла тут за свою подругу заступаться! Да еще и орет, сейчас вся деревня сбежится!

Семен решительно подошел к двери и откинул крючок. Открыл дверь, сграбастал Варю за платье и втащил в хату.

– Ты дура, что ли? – зашипел он.

– Это ты дурак! – ответила Варя. – Ты вообще, понимаешь, что ты делаешь?!

Семен схватил ее за руку и потащил в комнату. Пихнул на кровать. Наташка с воем обняла подружку, заодно прикрывшись ею.

Семен сел на стул.

– Варька! – устало сказал он. – Теперь я тебя не могу отпустить, ты понимаешь? Терять нечего, меня уже наверняка ищут. Скоро ко мне домой приедут.

Варя, вытирая слезы подружке, повернулась к нему. Она решила начать сразу с веских аргументов.

– Наташка беременна! Вот! А ты тут со своим автоматом...

Семен выпучил глаза.

– От меня, что ли?! – выдохнул он. – А почему она мне не сказала?!

Варя закатила глаза и шлепнула себя по лбу.

– Сема! Тебя полтора года не было. Даже больше. При чем тут ты?

Семен покраснел. Действительно...

– Не было, потому что в отпуск не ходил, хотел на месяц раньше дембельнуться! – зло выкрикнул он. Заходил по комнате. Вытащил из кармана сигареты.

– Не кури! – приказала Варя. – Здесь беременная женщина!

Семен смял пачку и зашвырнул в угол. Сел на стул, устался на Наташу. Та, испуганно вращая поросычьими глазами, смотрела из-за плеча подруги.

– Ты мне скажи, почему Митька Колосов? – потребовал Семен. – Чем он лучше?

– Ну, я ему давно нравлюсь, – выдавила Наташа. – И потом, он сын учителя. Образованный. Вежливый.

– Ах вон оно чё! Сын учителя, значит, – горько усмехнулся Семен. – Конечно, я-то кто? Простой механизатор, гайки кручу, соляркой от меня несет. И мордой я не вышел! Как ты там говорила: харя свинопаса, кажется? Сколько вы уже ящаетесь за моей спиной?

– Полгода, – из маленьких глазок Наташи покапали крупные слезы. Она всхлипнула.

Семен положил автомат на колени. В отчаянии обхватил голову. Горько вздохнул. Он только сейчас в полной мере осознал, что все зря! Ради чего он это все затеял? Ради ко-

го? Ради этой шаболды криворотой, которая его не любила никогда и врала? И у которой не хватило совести сразу во всем признаться?

А дров он уже успел наломать... Скоро сюда приедут из части, будут его искать. Блин! Что ему теперь светит? Допустим, он сдастся добровольно, что тогда? Дисбат, однозначно! А потом дослуживать эти оставшиеся четыре месяца. Покинуть воинскую часть с оружием – это вам не на ногу в трамвае наступить. Родителей жалко...

Семен застонал как от зубной боли. Почувствовал прикосновение теплых ладоней на своем грязном, исцарапанном лице. Серые глаза Вари смотрели с сочувствием. С каким-то человеческим состраданием и участием. Наташка на него так никогда не смотрела, в ее взгляде всегда были или каприз, или недовольство.

– Варька, ты даже представить не можешь, я такие дела наделал! – Семен вдруг почувствовал, что ему необходимо с ней поделиться. Именно с ней, с Варей! Не с Наташкой, нет! Она ему вдруг стала безразлична, даже не противна, просто – пустое место! Он хотел выговориться именно Вале – она единственная, кто его поймет!

– Ты кого-то убил? – тихо спросила Варя.

– Ну почему сразу – убил? – отмахнулся он. – Я сбежал из части! Мне оставалось-то всего несколько месяцев, скоро стодневка, потом приказ, и я дома! А теперь?

Варя погладила его по жестким волосам. Чем помочь это-

му запутавшемуся и, в общем-то, неплохому парню, она не знала. Так и стояла, гладила его по волосам, а Семен сидел, глядя невидящим взглядом в пол.

На улице послышался шум, практически сразу в окна ударил свет мощных фар. Одновременно раздался голос:

– Ледогоров! Мы знаем, что ты там! Бросай оружие, выходи с поднятыми руками!

Семен в отчаянии посмотрел на Варю, словно прощаясь. До боли сжал автомат, палец нажал на рычажок, смещая его в режим стрельбы очередью. Встал.

– Жалко, Варюха, что так все вышло. Я не хотел, правда. Бери Наташку и валите из дома.

– Сема! – Варя смотрела решительно. – Не надо!

– Ты не понимаешь? – рявкнул он. – К моему побегу сейчас прибавят захват заложников. Это прямой путь на зону. Тут без вариантов.

– Ледогоров! Тебе минута! – донеслось с улицы.

Варя растерянно повернулась к Наташе.

– Наташа, прости его. Ты же сама понимаешь, что все это из-за тебя! Он же не успел ничего сделать! Я тебя очень прошу!

Наташа кивнула. В первый раз в жизни Семен увидел в ее глазах что-то похожее на вину. Или может ему так показалось?

Семен встал у стены и осторожно выглянул в окно. На улице стоял военный Урал с включенным дальним светом.

По двору рассредоточились бойцы. К удивлению Семена, это была не милиция, это были обычные солдаты, в обычных касках. Да он сам такую носил несколько часов назад! Вдалеке, возле дома напротив, в свете фар военного УАЗа, увидел сторбленные фигурки матери и отца.

Семен посмотрел на Варю. Она ободряюще улыбнулась. Выкинул автомат в окно. Поднял руки и вышел на свет.

Сказать, что Семену повезло – это ничего не сказать! Командир части, вопреки всем правилам, решил не сообщать о побеге бойца с оружием, тем самым избавив себя и подчиненных офицеров от крайне неприятного общения с военной прокуратурой и сопутствующего ему обширного геморроя. Командование части решило так: бегал менее двух суток, оружие не применялось и в наличии, никто не пострадал – ни к чему выносить сор из избы!

Семена разжаловали в рядовые и определили на тумбочку дневального, в так называемые вечные дневальные. Семен не сменялся с наряда по роте в течение месяца, он заступал на тумбочку в режиме «сутки в сутки», то есть, менялись дежурные по роте и вторые дневальные, а он так и оставался на этом посту, бессменно. Спал три положенных ему часа, не раздеваясь. Но он был рад и этому, потому что кошмар для солдата – оказаться в дисбате, а еще хуже – на зоне. О самом худшем варианте развития событий, о том, что его могли просто ликвидировать, он предпочитал вообще не

думать.

– Ты у меня уволишься самым последним, Ледогоров, – зудел командир роты, каждый раз проходя мимо тумбочки дневального. – На дембель пойдешь в новогоднюю ночь. Без пяти двенадцать.

Дембельнулся Семен действительно позже всех. Был конец ноября, здорово подмерзло, выпавший снег уже не таял и лежал белыми пятнами на стылой земле.

Выйдя из автобуса, пошел к своей деревне. Бывший сержант, ныне рядовой запаса Семен Ледогоров шагал домой. Он шел, чтобы упасть на колени перед своими родителями, вмиг постаревшими в ту ночь; он шел, чтобы поздравить со свадьбой Наташку, на которую уже не держал зла, и которая не стала на него заявлять; он шел, чтобы увидеть Варю, которой многим обязан, и чьи письма сейчас лежали на дне его сумки. Теплые письма от человека, который в него верил, и чьи большие серые глаза он видел в своих снах...

Семен Ледогоров шел домой. Запутавшийся и, в общем-то, неплохой парень...

Путь к мечте

– Лебедева! Отжиматься! Сто раз! – тренер показал в угол. Яна бросила скакалку и, вытирая покрытый испариной лоб, поплелась в угол спортзала. Уперлась ладонями в протертый пол. Сил хватило лишь на двадцать отжиманий, после чего руки разъехались сами.

Голос тренера заставил вздрогнуть.

– Лебедева! Я сказал, сто раз! Лежать будешь дома на диване!

Дрожащие руки выпрямились. Раз. Два. Рухнула на пол, больно ударившись подбородком. Слезы полились из глаз. Ну не могу я больше!

Тренер присел на корточки. Кинул перед ней полотенце.

– Слушай. Может тебе танцами заняться или... вышиванием? Зачем тебе бокс?

Яна встала, подняла полотенце. Вытерла слезы.

– До свидания, Евгений Петрович, – она медленно побрела в сторону раздевалки.

– До свидания, – словно эхо повторил тренер. С сожалением посмотрел вслед. Неужели он в ней ошибся, и эта тринадцатилетняя девчонка сдалась? Сложила крылья? Жаль, если так... Ему казалось, что есть в ней бойцовский дух. А он никогда не ошибался. До сегодняшнего дня...

– Да это прекрасно! – радостно воскликнула мама. – Какой может быть бокс? Хулиганский вид спорта! Бьют друг друга, и какая от этого польза?

Яна ковыряла вилкой котлету. Аппетита не было, настроения – тоже. Было лишь одно чувство бесполезности.

– Вечно в синяках! – продолжала мама. – Ладно – мальчишки! Те еще сорванцы, для них синяки – это повод похвастаться. Но ведь ты же девочка!

Дочь кивнула. Котлета уже давно развалилась на части, но Яна продолжала ее крошить, равнодушно глядя в тарелку.

– Витя! Ты так и будешь молчать?! – мама повернулась к отцу, ища поддержки. Тот в разговоре не участвовал, читал газету, лишь изредка посматривая на дочь.

Он свернул газету, положил на стол. Снял очки.

– Яна, ответь мне. Ты хочешь заниматься боксом? Или это не твое? Что чувствуешь?

Девочка подняла глаза на отца.

– Не знаю, пап. Но меня туда тянет постоянно.

– Ты хочешь заниматься боксом? – он повторил вопрос.

Яна закивала.

– Тогда продолжай. Продолжай, несмотря ни на что! Пусть трудно, пусть больно, но только так!

– Витя! В себя приди! Ты что такое говоришь?! – мама в шоке взглянула на мужа.

Отец взял газету, развернул.

– А я в себе, Лида. И я говорю то, что думаю. А вот ты

– часто смотришь на других. Если дочь твоей сотрудницы хорошо танцует, а соседский мальчик отлично рисует, то при чем тут наша дочь? Она сама разберется, что ей интересно.

Мама обиженно поджала губы.

– О чем ты?

– Пусть сама решает, кем ей быть! Если даже она ошибется, то это будет ее ошибка и ее опыт!

Мама сокрушенно посмотрела на повеселевшую Яну. Та с аппетитом уплетала котлету.

Погладила ее по русым волосам.

– Ну, ты хоть уворачивайся там как-то. А лучше сразу стукни так, чтобы тебя не стукнули... Первая!

– Работай! По корпусу работай! Не открывайся! Да что ты в самом деле, блин! – рассерженный крик тренера потонул в восторженном реве многотысячной толпы под сводами Мэдисон Сквер Гарден.

Яна рухнула на середину ринга. От пропущенного удара чуть не вылетела капа. Заплывший левый глаз почти не видел. Ее соперница, Джоан Корниш, мускулистая чернокожая американка, замерла в метре от нее, победоносно подняв руки в красных перчатках. Толпа ревела в экстазе, рукоплеская.

Рефери присел на одно колено, отсчитывая. Яна сквозь туман видела его пальцы.

– One, two, three, four...

Она поползла к канатам, схватилась перчатками и, рыча от напряжения и боли, подтянулась на руках.

– ... five, six...

Кровь в висках гулко стучала, зрители расплывались в одну безликую разноцветную массу.

– seven, eight...

Встала. Рефери заглянул ей в глаза. Яна кивнула.

Над зрительскими рядами пронесся презрительный гул. Ложись, русская! Куда тебе!

Звон гонга.

Она обессиленно привалилась к углу ринга. Вокруг уже суетились. Вынули капу, останавливали кровь, вытирали разбитое лицо. В зубы уперлась трубочка из бутылки с водой. Яна прополоскала рот, выплюнула розовую жидкость в подставленное ведро.

– Не открывайся! Выждидай! Откроется – бей левой! – голос Евгения Петровича еле прорывался сквозь гул в голове.

Звон гонга возвестил о начале пятого раунда. Зажав капу в зубах, Яна вышла на середину.

Соперница налетела стремительно, словно коршун. Техника Джоан была превосходной – хлесткие удары щедро сыпались на русскую спортсменку. Прикрываясь, Яна ждала удобного момента. И вот он настал – американка открылась. Яна перенесла вес тела на левую ногу, ударила правой рукой.

Мощнейший кросс отбросил соперницу на спину. Канаты

отпружинили, откидывая ее обратно. Яна поднырнула и ударила в голову. Джоан, взмахнув руками, рухнула на пол.

Над трибунами пронесся возмущенный вздох. Послышались свист и ругань. Рефери склонился над Джоан, считая. Та, вращая темными глазами, поднялась на счете шесть. Размазала кровь по лицу, встала в стойку.

Противницы кружили по рингу. Яна выжидала, плотно прижав перчатки к голове. Джоан пошла в наступление. Яна еле увернулась от хука справа, на секунду опустив руку, открываясь. Джоан воспользовалась моментом и ударила в корпус. Яна охнула, заваливаясь набок. Ее, уже падавшую, настиг сильный удар в ухо.

Надо встать... Ничего не слышу... Вот что-то кричит тренер, а я не слышу! Зрители кричат – не слышу. Рефери считает – не слышу. Надо встать!

Зрители орали. Зрители хлопали. В первых рядах уже развернули огромный звездно-полосатый флаг. Люди ликовали, празднуя победу соотечественницы!

Да вот хрен вам на блюде!

Яна сделала усилие и поднялась. Рефери удовлетворенно кивнул. Звуки вдруг вернулись, обрушившись ревом возмущенной толпы. Русская, ты почему такая упрямая?!

– Умничка! – завопил тренер. Она, покрутив головой, встала в стойку.

Спортсменки замерли друг перед другом. Яна уловила в темных глазах Джоан что-то вроде уважения. Уважения к

сильному и достойному противнику.

Звон гонга.

Разошлись по своим углам.

– Не торопись! Ты выдыхаешься, набирай очки. Пока идем на равных, – тренер ожесточенно махал перед ней полотенцем. В его глазах была безмолвная просьба – не проиграй! Яна вдруг подумала, что сейчас, на другой стороне планеты, ее родители замерли у телевизора. Отец, обычно флегматичный и спокойный, напряженно смотрит в экран, сжимая кулаки. Мама... Ну, мама есть мама. Наверняка, закрыла ладонями глаза от ужаса.

И вся родная страна тоже следит за прямой трансляцией из Нью-Йорка.

Гонг.

Яна решительно вытолкнула себя из угла. Очевидно, Джоан решила не тратить время и завершить бой в этом раунде. Руки в красных перчатках замелькали. Яна пропустила два болезненных удара в челюсть и корпус. Еле увернулась от удара справа. Но прямой как рельсы джеб отбросил ее в угол, она прижала руку к окровавленному носу, согнулась.

Джоан подбежала к ней, замахнулась. Яна резко сместилась в сторону, перчатка американки рассекла воздух там, где мгновение назад было ее лицо.

И тут Яна ударила. Это был сокрушительный апперкот, в который она вложила все оставшиеся силы. Ноги американки оторвались от пола, она упала на канаты и, перевалившись

через них, рухнула за пределы ринга.

В огромном спортивном комплексе повисла гробовая тишина. Замерли все. И в этой тишине был слышен только счет рефери, склонившегося над неподвижной Джоан.

– One, two, three...

Яна тяжело дышала. Сердце готово было выпрыгнуть из груди, в висках пульсировало. Перед глазами розовый туман. Она полностью выложилась. Это самый трудный бой в ее жизни.

– Ten! Knockout!!! – объявил рефери, и в ту же секунду тишину спорткомплекса разорвал оглушительный рев толпы.

Она, еще не веря в победу, подняла руки, прищулив здоровый глаз от вспышек камер и лучей прожекторов. Под сводами комплекса раздался голос судьи, усиленный мощными динамиками:

– Yana Lebedeva! Russia!

А на трибунах творилось нечто невообразимое: тысячи зрителей как один встали, ожесточенно хлопая и восторженно скандируя:

– Russia!!! Russia!!! Russia!!!

Аэропорт Пулково. Десятки журналистов дежурят у выхода. Камеры, микрофоны. Логотипы известных российских телекомпаний. Чуть в стороне замерли поклонники с цветами.

– Идет! – пронеслось над головами.

Журналистская братия окружила Яну плотным кольцом.

Вопросы посыпались со всех сторон.

– Яна, как вы себя чувствуете после такого трудного боя?

– Отлично! Спасибо! – ответила Яна, взглянув здоровым глазом. Потрогала пластырь на виске.

– Яна, скажите, это правда, что вам позвонил Сильвестр Сталлоне и предложил роль в своем новом фильме?

Яна удивленно переглянулась с тренером. Оба от души захохотали.

– Нет, это не правда!

– Среди почетных гостей присутствовал Майк Тайсон. О чем вы говорили после боя?

– Просто пожал руку, поздравил с победой, – пожала плечами Яна. – Особо не разговаривали.

– Что бы вы пожелали своим поклонникам?

Яна внимательно посмотрела на журналиста, перевела взгляд на поклонников, с тихим восторгом смотрящих на нее. Вспомнила слова отца в минуты ее нерешительности или сомнений.

– Я бы пожелала одно: никогда не бойтесь ошибиться! Ваши ошибки – это ваш опыт, и, возможно, благодаря им вы достигаете мечты.

Судьба

Говорят, в каждом классе есть свой рыжий... И дело совсем не в цвете волос, а в характере, точнее, в его отсутствии... Вадька Шевцов был именно таким «рыжим».

- Вадька, портфель мой принеси!
- Вадька, место уступи!
- Эй, Вадька у тебя спина белая. Ха-ха!
- Вадька, держи «шпалу»!
- Вадька, списать дай! Или в рог получишь!
- Вадька, деньги есть? Гони!

И вот так каждый день! На протяжении восьми лет. Насмешки, издевательства, подколы, приколы... Эх...

– Дети, познакомьтесь. Марина Заречная. Будет учиться в вашем классе. Присаживайся, Заречная!

Новенькая села за ближайшую парту, где томился «рыжий» Вадька, темноволосый четырнадцатилетний юноша, тихий и забитый.

Едва завуч вышла, как все зашумели. Еще бы такое событие! Новенькая в классе! Мальчишки торопливо пригласили вихры, выпятив грудь колесом. Девчонки оценивающе скосились на симпатичную новенькую, чувствуя зависть к ее большим голубым глазам и тяжелой русой косе. Фыркнули, отвернулись – подумаешь, эка невидаль!

Один только Вадька, насупившись, казалось не проявил к ней никакого интереса. Смущенно отвернулся к окну, глядя на нахохлившихся после дождя воробьев, сидящих на карнизе.

– Всем тихо! – историчка постучала указкой по столу. – Потом познакомитесь. Итак, тема нашего сегодняшнего урока: образование классов у восточных славян...

Долгожданный звонок. Ура! Большая перемена! Новенькая вытащила из портфеля учебник – по расписанию следующим уроком был английский. Вадька тоже полез в портфель.

– Вадька, ну-ка, стоняй в буфет, принеси нам булочек каких-нибудь! – раздался голос над его ухом. Посмотрел на Валерку Кочнева, одноклассника, хулигана, и, как водится, отпетого двоечника. Валерку боялись все в классе. Потому что он был здоровый, наглый и сильный.

– Ну-ну, давай живее, перемена скоро кончится! – поторопил Кочнев, для ускорения толкнув его в плечо. Вадька стал бочком выбираться из-за парты.

– Сядь на место! – тоненькая рука соседки схватила его за запястье. – И сиди здесь!

Вадька испуганно заглянул в ее большие глаза. Требовательный взгляд, но без намека на превосходство или презрение.

Он нерешительно посмотрел на Кочнева и покорно сел

обратно.

Кочнев удивленно присвистнул.

– Вадька, ты в дыню захотел? Так я тебе это могу устроить!

Встал и пошел!

Вадька снова стал.

– Сядь! – сказала девочка.

Вадька сел.

– В покое его оставил! – спокойно сказала новенькая, глядя на Кочнева.

В классе, обычно шумном, стояла гробовая тишина. Все с интересом смотрели на них.

– Тебе что, больше всех надо? – прищурился Кочнев, глядя на Марину.

– Мне ничего не надо. Просто оставь человека в покое!

Кочнев растерялся. С ним никто не смел так разговаривать. А еще ему было не по себе от десятков глаз, наблюдающих за ним.

– Ну ладно. Посмотрим еще... – презрительно сказал он и вышел из класса. Следом потянулась кучка прихлебателей.

Марина повернулась к соседу.

– Ты почему позволяешь так с собой обращаться?

Вадька вздохнул.

– Да что в том такого?

– Как что? – возмутилась девочка. – Ты же будущий мужчина! А вот в армию пойдешь, будешь там сапоги чистить, да?

– Какие еще сапоги? – тихо спросил Вадька, стремительно краснея.

– Чужие! – ответила Марина. – Хочешь, да?

Вадька помотал головой: не, не хочу.

– Тогда давай работай над собой! Над своим характером!

– А как? – Вадьке еще никогда не было так стыдно.

– Для начала научись говорить «нет». Ты вообще это слово знаешь?

Он кивнул.

– Вот и прекрасно, – кивнула девочка. С удивлением оглянувшись, она только сейчас заметила, что в классе тишина. Все смотрят только на нее и слушают только ее.

Дома Вадька встал перед зеркалом.

– Нет! – сделал свирепое выражение лица. Что-то не то...

– Нет! – лицо приобрело снисходительное выражение. Не, не пойдет.

– Нет! – в зеркале отразилось радостно-глупое выражение. Совсем не то.

Он отвернулся и задумался. Опять повернулся в зеркалу.

– Нет! – твердый взгляд серых глаз. Выражение лица спокойное. Кажется вот так... Надо еще потренироваться.

– Ты чего там кривляешься перед зеркалом? – мама выглянула в прихожую. – Лучше за хлебом сходи.

– Нет! – глядя на свое отражение ответил Вадька и тут же опомнился. – А, да-да, мама, иду.

Вадька отлетел в сторону, держась за разбитый нос.

– Мне никто не смеет говорить «нет»! – Кочнев потирал кулак. – Еще раз спрашиваю, ты мне деньги принес?

Вадька уже было потянулся в карман, где лежал рубль. Внезапно вспомнил строгие голубые глаза соседки по парте. Одернул руку.

– Нет!

Кочнев подскочил к нему и замахнулся.

– Это что здесь происходит? Кочнев! Ну-ка, прекратить! К директору захотел? – физрук встал на его пути, прикрывая Вадьку. Марина протянула руку однокласснику, помогая встать.

– Да мы тут... – пробормотал Кочнев, бочком обошел учителя и быстро пошел по коридору, оглядываясь.

– Спасибо, Павел Сергеевич! – сказал Вадька, беря из руки Марины платок.

– Ей спасибо скажи, Шевцов!

Пока Вадька умывал разбитое лицо, Марина стояла у двери в туалет.

– А ты молодец! – крикнула она. – Не трус!

Вадька посмотрел в зеркало. В первый раз в жизни он слышит такие слова. А может он, действительно, не трус?

– Закрепим наш урок, – продолжала Марина. – У тебя гантели дома есть? Турник? Ты меня там слышишь?

– Да, есть! – ответил Вадька.

– Прекрасно!

Четыре года спустя. Чита. Забайкальский военный округ.

– Вы не солдаты, вы куски г...на! – сержант Бутнев смотрел на отжимающихся на «взлетке» новобранцев. Пнул одного сапогом в плечо.

– Встать, рядовой!

Тот вскочил.

– Отставить, медленно. Встать!

– Отста-а-а-а-вить. Встать!

Солдат снова вскочил. Вытер потное лицо.

– Рядовой... как тебя там? – ухмыльнулся сержант.

– Рядовой Шевцов! – отрапортовал солдат.

– Медленно сокращаемся, рядовой Шевцов. Будем исправлять. Для начала ты вымоешь сортир. Своей зубной щеткой.

– Нет, – ответил Вадька, пытаясь унять дрожь в коленях.

– То есть как это? – Бутнев в изумлении посмотрела на рядового.

– Очень просто. Нет значит нет, – дрожащим голосом ответил он.

Бутнев растерянно оглянулся. Из глубины казармы вышли четверо дедов, подошли к сержанту.

– Ребята, вы видели борзого солдата? – показал он на Шевцова.

– Надо воспитывать! – сказал один, здоровенный, пома- хивая ремнем с солдатской бляхой.

– А почему ты не хочешь? – Бутнев уставился на рядово- го. – Религия не позволяет?

– Потому что не хочу, товарищ сержант, – ответил Шев- цов.

– Здорово. Просто чудненько, – развел руками сержант и повернулся к новобранцам. – Рота! Встать!

Все подорвались с пола. Вытянулись.

– Рядовой Шевцов. Выйти из строя!

Вадька шагнул вперед.

– Кругом!

Повернулся лицом к строю. Бутнев взял табуретку и по- ставил рядом с Вадькой.

– Присаживайся, Шевцов.

Вадька сел на табуретку.

– Значит так, товарищи солдаты! Пока рядовой Шевцов не отправится мыть сортиры, вы будете отжиматься. Рота! Упор лежа принять! Делай раз!

Все, рухнув на пол, принялись отжиматься, злобно погля- дывая на сидящего перед ними Шевцова.

– Шевцов! Коллектив страдает! – крикнул сержант. – От- жимаемся!

Прошло десять минут. Ребята уже теряли силы, некоторые просто были не в состоянии разогнуть руки и просто лежа- ли на холодном центральном проходе. Деды пинали их под

ребра, заставляя подниматься.

– Иди мой! – слышался злобный шепот.

– Почему мы из-за тебя должны тут корячиться? Иди мой!

– Ты самый умный? Иди мой этот гребаный сортир!

Это было хуже, чем бы его просто пинали. Психологически невыносимо. И Шевцов не выдержал. Встал.

– Ну вот видишь! – расплылся в улыбке Бутнев. – Щетку взял из тумбочки, и вперед! Тебя ждут великие дела. И мы еще после отбоя поговорим насчет твоего поведе...

Договорить он не успел, потому что в следующий момент отлетел в сторону, держась за челюсть. Испуганно отполз, со страхом и изумлением глядя на потирающего кулак Вадьку.

Старослужащие сначала растерялись, затем кинулись на всем скопом. Вадька схватил табуретку и ударил одного. Кто-то пнул его в спину, и он рухнул лицом на пол. Замелькали сапоги, ременные бляхи, кулаки...

– Э, мы что, его убили? – слышалось испуганное.

– Кажись, да! До дембеля четыре месяца, а тут... Нам просто кабзда!!

– Ребята, я в дисбат не хочу! – повизгивал сержант Бутнев.

– Какой дисбат, дебил? Ты сразу на зону пойдешь. Мы все пойдем!

– Так я и на зону не хочу! Я там никого не знаю! – истерил Бутнев.

– Заткнись!

– Парни, парни, вроде дышит! На кровать его тащите. Дневальный, твою мать! Полотенце чистое, мокрое! Живо!!!

Они кружили над избитым Вадькой словно сестры милосердия. Вытирали ему лицо полотенцами, тормошили, когда он терял сознание.

– Братан! Ты это, давай без глупостей! Слышишь? – они похлопывали его по щекам.

– Его в санчасть надо!

– А кто там на дежурстве сегодня?

– Таблетка, кажись.

– Отлично!

Прапорщик Осадчий, именуемый просто Таблеткой, осмотрел Шевцова.

– Вы чем его?

– Так это... ну, руками, – растерялись деды.

– Какими руками, идиоты?! Вы его под танк, что ли, бросили?

– Товарищ прапорщик, он выживет хоть?

– Да вроде да.

Замполит смотрел на рядового.

– Ты не мог так упасть! Не надо мне тут бабушку лохматить! Я не первый год в армии.

– Упал, товарищ капитан, – упрямо повторил Вадька, шевеля разбитыми губами.

– Хорошо, – вздохнул замполит. – И откуда ты упал? Судя по твоим синякам, с Эйфелевой башни?

– С лестницы. Мыл лестницу. Поскользнулся и упал.

– Ты у меня сейчас так упадешь! Кто тебя бил?

– Никто. Упал.

Через пятнадцать минут замполит, ничего не добившись, ушел. Вадька с облегчением откинулся на лазаретную подушку.

Сержант Бутнев заискивающе смотрел в глаза.

– Вадик, тут, короче, мамка мне прислала конфет, пряники. Вот. Апельсины тоже. Угощайся. Ах да, забыл, держи. Тебе письмо! От какой-то Марины Заречной. Подруга твоя, да? Поправляйся. Молодец, что не сдал!

Как только Бутнев ушел, Вадька торопливо разорвал конверт.

«Вадим! Не удивляйся моему письму. Адрес части я узнала у твоих родителей. Знаешь, сегодня я вдруг почувствовала, что с тобой что-то не то. Не могу объяснить, какое-то беспокойство, даже страх! Очень надеюсь, что с тобой все хорошо. Большие не знаю, что писать...

Напиши мне сам. Обязательно. Жду!

Марина.

Вадька посмотрел на штамп на конверте. Письмо отправлено неделю назад. И он здесь – тоже неделю...

Потянулись длинные дни в лазарете. За это время кто только не побывал у Вадьки: от дневального, принесшего бумагу и конверты, до военного дознавателя, который с пристрастием «пытал» его на предмет выявления виновных. Естественно, Вадька не строил иллюзий, что эти опытные отцы-командиры от него отстанут просто так – уж больно характерны травмы, и слишком долго они служат, чтобы верить во всю эту лажу про падение с лестницы.

Но больше всего Вадьку озадачивало письмо от Марины. Озадачивало и радовало одновременно. Они так и просидели до окончания школы вместе, подружились, ходили друг к другу на дни рождения, несколько раз были в кино. Вадька здорово окреп, вытянулся, раздался в плечах. Марина же превратилась в настоящую синеглазую красавицу, в компании которой Вадька смущался нещадно.

Да, Вадька хоть и перестал быть всеобщим посмешищем и мальчиком для битья, но перед Мариной немного робел. Он смотрел в эти огромные глаза и просто тонул в их синей бездне. А еще, и в этом боялся признаться даже самому себе, он был в нее влюблен. Бесповоротно и окончательно. А еще – безнадежно, ибо сам для себя решил, что шансов у него никаких!

Потом его призвали, и он благополучно убыл по месту прохождения службы, в Забайкалье.

«Получается, она чувствует, когда мне плохо?», – подумал Шевцов, бережно пряча в карман в сотый раз перечитанное

письмо.

Он сел на кровати. Положил на колени книгу, сверху лист бумаги. Почесал измазанный зеленкой лоб и написал:

«Привет, Марина. У меня все хорошо. Питаемся 3 раза в день. Щипаем траву на плацу, квадратное катаем, круглое носим...»

Перечитал свою писанину. Какая тупость! И это письмо солдата?!

Смял листок, взял новый.

«Здравствуй, дорогая Марина! Ты правильно волнуешься, наша служба очень трудна. Каждый день мы смотрим опасности в глаза, охраняя рубежи нашей Родины...»

Не, ну это вообще ни в какие ворота!

Взял новый лист. Посмотрел в обшарпанный потолок, подумал, написал:

«Марина! Здравствуй! У меня все отлично, ты зря волнуешься. Служба как служба. Ничего выдающегося, все по распорядку, от подъема до отбоя – одно и то же.

Очень рад твоему письму. Было действительно неожиданно и приятно. Мы не виделись с выпускного вечера, но я всегда о тебе вспоминал. Надеюсь, что обязательно встретимся после моего дембеля, до которого мне пока, как говорится, как солдатскому котелку до ржавчины.

Напиши, как у тебя дела? Что там с поступлением в медицинский? И вообще, пиши. Мне будет очень приятно! Жду!

Вадим Ш.

В день возвращения в роту Вадька немного волновался. Едва он переступил порог казармы, как его сразу же обступили деды.

– Поправился? Молодец! Ну ты нас напугал тогда!

Это не было встречей старых друзей, все-таки разница в призывах в полтора года – это самая настоящая пропасть по меркам срочной службы. Но отношение было ровным, без неприязни, даже с ноткой уважения.

– Мы тут с ребятами подумали... Ты – нормальный воин. Поэтому стодневку нам не считаешь, в ночных подрывах не участвуешь, но в наряды будешь ходить, как и полагается. Извини, но служба есть служба!

– Это понятно, – кивнул Вадька.

– Да, вот еще. Мы тут постоянно что-то заказываем через хлебореза нашего, поэтому если что хочешь, там сигареты с фильтром или, например, бритву нормальную или зубную пасту – не вопрос, можешь напрямую к нему обращаться. Он в курсе, не пошлет.

– Понял, спасибо.

Стодневка перла со всей своей неизбежной силой. Дембеля хотели домой, призывы помоложе хотели, чтобы свалили дембеля. Из года в год, от призывы к призыву – одно и то же...

Ночью их разбудил крик сержанта Бутнева.

– Так, духи! Дедушки домой едут! А на чем они едут? Пра-а-а-вильно! На дембельском поезде!

Молодняк качал дембельские кровати, имитируя вагонную тряску на рельсовых стыках. Мимо пробежали духи-деревья и духи-столбы. Кто-то, забравшись на второй ярус, подсвечивал фонарем, изображая проплывающие мимо поезда огни полустанков. На табуретке, подергиваемой солдатом, подпрыгивал стакан с ложечкой. Дембельский поезд, весело гудя, ехал домой!

Вадьке и слова никто не сказал, когда он остался лежать в своей кровати. Это право не участвовать во всеобщем унижении и позоре он заслужил, выбив кулаками и заплатив собственной кровью. И вот теперь с изумлением смотрел на происходящее.

«Какой бред! Неужели, когда я стану дембелем, я тоже буду «ехать» в таком «поезде»? Никогда!»

Повернувшись набок, он закрыл глаза. А «поезд» все ехал и ехал, гудя и трясясь на стыках...

Поезд прибыл днем, точно по расписанию. Старший сержант Шевцов выпрыгнул из вагона. Огляделся. Родной вокзал, с которого он уезжал два года назад. Ничего не изменилось, разве что кровлю на здании вокзала поменяли.

В его спортивной сумке не было ничего, кроме писем. От родителей, родственников и, конечно же, Марины. Зачитан-

ные до дыр, заклеенные папиросной бумагой на протертых сгибах, долгожданные письма!

Родители и младшая сестренка налетели на него, обнимая и целуя. Мама плакала, сестра повисла на шее. Отец сдержанно пожал руку, потом, обняв сына, похлопал по плечу. Солдат домой вернулся!

– Привет, солдат! – услышал Вадька знакомый голос. Обернулся.

Эти синие бездонные глаза, которые ему снились каждую ночь!

Вадька решительно подошел к ней и сделал то, чего бы никогда не решился сделать. Он обнял Марину. Она обвила его за шею руками. Губы слились в поцелуе.

Сестренка захихикала, прикрывая рот руками. Мать восторженно всплеснула руками. Отец одобрительно покашлял. Они и понятия не имели, что их сын и брат только что, на их глазах, преодолел самый трудный этап в жизни, шагнув навстречу своей судьбе...

Ураган

Дерево рухнуло прямо на капот, сминая металл и сдирая краску. Ольга подпрыгнула от неожиданности. Ну почему именно сейчас?! Сейчас, когда ей надо ехать! Срочно, неотлагательно!

В отчаянии посмотрела в окно. Вокруг бушевала стихия. Ветер был такой силы, что сбивал людей с ног, волочил их по земле, не давая шанса встать. Дождь, усиленный ветром, бил ледяным косым ножом. Автомобиль, двухтонный внедорожник, качало словно он был сделан из фольги. Дворники на стекле еле справлялись с потоком воды.

«Будь что будет», – подумала Оля, вытерла мокрое лицо и повернула ключ в зажигании. Сквозь рев урагана шум двигателя был едва слышен. Перевела ручку селектора, нажала на педаль. Машина, взревев оборотами, дернулась назад, выбираясь из-под массивного тополя.

«Отлично», – с облегчением подумала она. Обернувшись и вращая рулем, выехала с парковки. Еще раз посмотрела на экран телефона – связи не было. Переставив селектор, нажала на педаль... Последнее, что она увидела, так это огромный рекламный банер, который вращаясь и стремительно увеличиваясь в размерах, летел прямо в лобовое стекло...

– Дамочка! Штормовое предупреждение! Тебе это вооб-

ще о чем-нибудь говорит?! – небритый мужчина возмущенно смотрел на Ольгу.

– Мне просто надо было... Срочно, – простонала Ольга.

– В первый раз слышу, чтобы на тот свет так торопились.

– А где я?

– В подвале.

Ольга приподнялась на локтях, в глазах слегка двоилось. Пощупала лицо, и сразу одернула руку. Нестерпимо болел нос. И кажется, распух.

– У вас зеркала нет? У меня лицо болит все, – пожаловалась она.

– Есть. Венецианское, во весь рост, – съязвил он. – Я и без зеркала скажу. Слива у тебя сейчас – на пол-лица! И щеки осколками лобового стекла поцарапало. А так, нормально.

Он вытащил из кармана маленький радиоприемник. Нажал на кнопку. Из динамиков полились квакающие звуки, мало похожие на человеческую речь.

– Черт! – выругался незнакомец. – Сломался! С тебя триста рублей!

Ольга приподнялась, села на грубо сколоченном топчане. Попыталась сфокусировать взгляд. И правда подвал. Тусклая лампа, свисающая с низкого потолка, освещала обшарпанные стены, вдоль которых бежали трубы. Где-то капала вода и пищали крысы. Окон не было, но вой урагана был слышен даже здесь.

– Триста рублей? За что? – спросила она.

– А я из-за тебя радио разбил! Увидел, что тебя в машине зажало, так сразу к тебе и побежал. А вещь уронил.

– Спасибо, что не бросили, – Ольга пошарила в карманах и внезапно вспомнила, что у нее только кредитка. Наличные были, какие-то мелкие, но в машине.

– Вы знаете, у меня нет наличных, – виновато сказала она. Почувствовала, как на нее наваливается противная слабость.

– Другого ответа и не ждал! Людская благодарность!

– Я вам обязательно отдам! Даже больше! А сейчас мне надо ехать, – она попыталась слезть с топчана. Ноги были словно ватные.

– Там! – мужчина многозначительно ткнул пальцем вверх, – Порывы ветра до 30 метров в секунду. Ты даже мявкнуть не успеешь – тебя снесет к чертовой матери!

– А что с моей машиной? – она будто его не слышала.

Незнакомец в изумлении уставился на нее.

– Не, ну что за люди?! Еле живая осталась, а все равно о куске железа волнуется, – он презрительно сплюнул в угол. – Машина твоя – в хлам. Щит углом в руль угодил, его аж с мясом вырвало! Ну а тебя уже рулем и приголубило. Подушка смягчила... Повезло.

Ольга чувствовала, как внезапно подкатывает тошнота. Она резко перегнулась через топчан.

– Ну, началось! Давай, заблюй мне тут все! – возмутился мужчина, слушая гортанные звуки.

Ольга закашляла.

– Кажется, у меня сотрясение мозга... – просипела она. Через секунду ее снова скрючило.

– Сотрясение чего? – издевательски переспросил мужчина. – Не льсти себе! Человек, имеющий мозги, не выйдет в такую погоду.

– У меня ребенок. Один. В детском саду, – она вытерла рот рукавом. Откинулась на топчане, прерывисто дыша.

– Один? – удивился незнакомец.

– Да. Ну, с воспитательницей, конечно. Частный садик. Я просто сегодня задержалась, она согласилась посидеть с дочерью до моего приезда. За доплату, естественно. А тут это... И ураган этот... И машина...

Ольга разрыдалась. Мужик закатил глаза.

– И так сыро, ты еще воешь! Ничего с твоим ребенком не случится, забьются где-нибудь в цоколе, переждут до завтра. Если, конечно, воспитательница не такая безмозглая как ты!

– До завтра?! – взвизгнула Ольга. Мужчина недовольно поковырялся в ухе.

– Не ори! Да, до завтра. По крайней мере, так по радио сказали. Которое я из-за тебя разбил, между прочим!

– Я не могу до завтра! Мне надо сегодня! Она с ума сойдет без меня!

Незнакомец раздраженно посмотрел на нее.

– Там ночь и ураган. Какое слово из этих тебе не понятно? Хочешь – иди! И приятного полета!

Ольга рыдала так горько, громко и долго, что мужчина не

выдержал.

– Где сад находится?! – рявкнул он. – Адрес!

– На Лугово-о-о-ой! – Ольга ревела белугой. – Двена-а-а-дцать!

Мужчина, матерясь, порылся в картонном ящике возле топчана и вытащил карту, вдоль и поперек склеенную скотчем. Развернул ее на бетонном полу, что-то там долго изучал под светом тусклой лампочки, несколько раз задирает голову к потолку в задумчивости, почесывая заросшее щетиной лицо. Повернулся к ней.

– Хватить выть! Помогу я тебе к дочери добраться!

– Смотри, – мужчина ткнул пальцем в карту. – Мы здесь. Детский сад здесь. Расстояние – полтора километра.

– Недалеко, – кивнула Ольга, вытирая слезы.

– Это на машине недалеко, пешком в хорошую погоду – тоже. Но у нас уйдет на это часа три.

– Я понимаю.

– Ты думаешь, мы пойдем по земле? Нет! Мы пойдем под землей!

У нее от удивления моментально высохли слезы.

– Это как?

– Это как? – передразнил он. – Под городом есть система подземных коммуникаций, канализация, тоннели, коллекторы. Вот по ним и пойдем.

– А как вы по этой карте определили, куда ведут тонне-

ли? – с сомнением спросила Оля. – Это же обычная автомобильная карта!

– А вот это – не твое дело. Я знаю!

Он опять ткнул в карту.

– Вот здесь придется выбраться на поверхность. Перебежать улицу и снова спуститься. То же самое нужно сделать здесь. Готова?

Ольга быстро закивала. Ради дочери она готова на все.

Незнакомец встал с пола и откуда-то из-за трубы вытащил фонарь и упаковку дешевых пальчиковых батареек. Рассовал по карманам.

– У тебя подсветить есть чем? Телефон?

– В машине остался.

– Понятно. Волосы своих лохматые прибери как-нибудь. Мешать будут. На, веревкой что ли перевяжи...

Ольга торопливо завязала волосы в конский хвост. Мужчина взял валяющуюся у двери автомобильную монтировку.

– Я открываю дверь, и мы выходим. Держись за мной.

Он подошел к гремящей на ветру металлической двери. Вытащил из наваренных ушек толстый прут. Выдохнул и навалился плечом. Дверь тяжело поддалась, прижимаемая мощным напором снаружи.

А снаружи творилось невообразимое. Летело все, что не могло летать в принципе. Обшивки домов, куски кровли, супермаркетные тележки, мусорные баки. Все слилось в нескончаемую разноцветную карусель. Черное ночное небо

заволокло непроглядными тучами. Уличные фонари моргали.

– Вон там! – закричал мужчина, стараясь перекрыть вой ветра и показывая в сторону старой пятиэтажки, в метрах ста. – Там есть канализационный люк! Нам туда! За мной!

Он рванул первым. Оля побежала следом, прикрывая глаза от лупившего ветра. Почувствовала, как ноги съезжают в сторону и она заваливается набок. Успев сгруппироваться, она упала, и ее тут же потащило в сторону парковки. Она вцепилась кончиками пальцев в выбоину в асфальте (хвала косоруким дорожным службам!) и закричала. Крик утонул в мощном реве ветра. К своему ужасу почувствовала, что ноги поднялись вверх – еще немного, и ее просто унесет порывом.

– Помоги-и-ите!!!

Он успел схватить ее за запястье. Очень вовремя, потому что именно в эту секунду ее пальцы выскользнули из выбоины.

– За монтировку держись! – услышала она прямо над ухом. Ольга вцепилась в холодный граненый металл.

Мужчина, держа монтировку в вытянутой руке, пригибаясь, упорно шел вперед. Он буквально волочил Ольгу за собой. Спустя минуту они были у люка.

– Отпусти! – он пытался вырвать у нее монтировку. Ольга в панике не могла разжать пальцы. – Да отпусти ты, дура!

С силой разжал ее пальцы. Лег на живот.

– За ноги мои держись!

Ольга вцепилась в его штанину. Он поддел монтировкой крышку люка, приподнял. Торопливо подхватил край и, рыча от напряжения, отодвинул в сторону.

– Штаны мои отпусти! Отпусти, говорю! За край держись! Так!

Он закинул ноги в колодец, нащупал лестницу и исчез в дыре. Спустя пару секунд оттуда ударил свет фонаря.

– Нырять! Я тебе поймаю! – услышала Оля.

Она подползла к краю и, зажмурив глаза, упала внутрь.

Он задвинул крышку люка. Сразу стало намного тише.

– В тебе веса сколько? – вытер мокрое лицо.

– 45 килограммов, – Ольга в изнеможении привалилась спиной к лестнице.

– Негусто... Фитнес, да? Диеты всякие?

– Два раза в неделю, – кивнула она, пытаясь отдышаться. – Ну, и диеты тоже.

– Ну и кому это надо?

Он повернулся и направил свет фонаря вглубь. Длинные протекающие трубы, мокрый пол и запах сырости.

– Пойдем! За мной держись.

Это были самые настоящие подземные лабиринты. Мужчина уверенно ориентировался, за полчаса остановившись лишь дважды, подсвечивая цифры на стенах.

– Мы не заблудимся?

– Нет.

– Вы так хорошо ориентируетесь. Откуда?

– Оттуда.

– А как вас зовут?

– Михаил.

– Очень приятно. А меня Ольга.

– И зачем мне это знать?

Ольга вздохнула.

– Ну так, просто...

Решила больше ничего не говорить. За последний час она услышала столько хамства и оскорблений в свой адрес, сколько не слышала за всю жизнь. Впрочем, долго молчать она не смогла, потому что поскользнулась и шлепнулась прямо на сырой пол. Ойкнула. Луч фонаря ударил прямо в глаза.

– Ну, что еще? Нашла время отдыхать!

– Я просто упала, – Ольга встала, отряхнула насквозь мокрую одежду.

Он снова направил свет ей в лицо. Она зажмурилась и выставила вперед ладонь.

– Михаил, вы не могли бы... – начала она.

– Не мог бы! – грубо прервал он. – Пошли!

– Михаил, ну почему вы такой хам?! – не выдержала она. – Почему вы постоянно меня оскорбляете?! Я вам очень благодарна, что вы не бросили меня в машине, и за то, что помогаете сейчас, но зачем же так грубить?! Ну простите, что оказалась в вашем подвале, что вы из-за меня разбили свое радио, простите за то, что меня стошнило на ваши полы! Вот

такая я! Простите за все! Ну, неужели нельзя по-человечески разговаривать, а?!

Свет снова ударил в глаза.

– Все сказала?

– Все, – обреченно выдохнула она, прикрываясь ладонью.

– Пойдем.

Ольга шла молча, глядя в его широкую спину. Начиная болеть голова. Она остановилась, оперлась руками о колени, чувствуя тошноту и слабость.

– Что на этот раз? – спросил Михаил.

– Голова разболелась что-то, – прошептала Ольга. – Сейчас пройдет.

Услышала его раздраженный вздох, но обычной хамской реплики не последовало. Похоже, слова Ольги на него все-таки подействовали. Но рано радовалась.

– Видимо, у тебя действительно сотрясение чего-то там, – услышала она.

– Да, наверное, – покорно согласилась она, медленно дыша затхлым воздухом.

– Еще не поздно вернуться, отлежишься у меня, а днем пойдешь, – в его голосе она уловила что-то похожее на сочувствие. – Или здесь переждем.

– Нет, надо идти! – решительно сказала она и выпрямилась.

– Как хочешь.

Через пятнадцать минут они подошли к маленькой лестнице, ведущей наверх.

– Тут нам придется выйти наружу, пересечь улицу и выйти на спортплощадку. Рядом с ней находится другой колодец. По прямой – метров 150.

– Я готова! – твердо выдохнула она.

– Постой пока здесь. Я крышку сниму. Фонарь держи. Наверх его направо. Вот так вот, ага.

Он взобрался по лестнице и уперся руками в тяжелую крышку люка. Скривился от усилий, сдвинул крышку, и в коллектор сразу же ворвался рев, гуляющей наверху стихии. Михаил осторожно высунулся. Огляделся, прикрыв ладонью глаза. Выругался непечатным.

– Что там?! – закричала Ольга.

– Там кабель сорвало со столба! Искрит! Как раз возле площадки! Его мотыляет во все стороны! Ветер усилился! Если нас не унесет, то точно чем-нибудь прибьет!

– И что же делать? – растерялась Ольга.

Он не ответил, продолжая выглядывать из колодца.

– Михаил! А может нам какую-нибудь машину... ну... это самое..., – Ольга сама не ожидала, что может вообще предложить такое.

– Угнать?! – донеслось сверху. – Я догадывался, что у тебя мелкоуголовные наклонности! Здравая идея! Только давай сразу распределим роли, кто потом из нас будет сидеть, а кто – передачи носить?!

– Ну, мы же ее вернем! – в отчаянии закричала Оля.

Михаил спустился, забрал у нее фонарь и по своему обыкновению направил ей в лицо.

– Угонять легковую – нет смысла, ее сразу перевернет. Особенно в движении. Минимум Камаз или Урал! И потом, сейчас дороги завалены всяким хламом. Поэтому, с учетом всего вышеперечисленного, нам нужен танк. Какая мелочь!

– А сколько до детского садика?

Михаил задумался.

– Мы немного сместились, поэтому – около километра.

Ольга закрыла глаза. Всего один километр... Несчастных тысяча метров! Непреодолимых метров...

– Я боюсь, – захныкала четырехлетняя Катюша, вздрагивая от завываний и грохота наверху.

– Не бойся, Катенька, – воспитательница обняла девочку и прижала к себе. Вот уже три часа в детском саду не было света, и они сидели в кромешной темноте в хозяйственной подсобке, слушая, как наверху бьются оконные стекла и переворачивается мебель.

– Хочешь шоколадку? – она зашуршала в темноте. – Давай, угощайся.

– А с мамой ничего не случится? – спросила девочка, засовывая липкий растаявший шоколад в рот.

– Ну что ты! – уверенно ответила воспитательница. – Не волнуйся за маму. Она сейчас сидит в офисе на своей работе,

в тепле и безопасности, а рядом с ней сильные и надежные люди!

С ног сбило сразу же, едва они вылезли из колодца. Теперь их волочило по асфальту в сторону дворов. Михаил, удерживая Ольгу одной рукой, другой, бросив монтировку, схватился за столб.

– Держись! – заорал он. Закрыв глаза, слезящиеся от бьющего в лицо холодного ветра. Ольга его не услышала. Она вцепилась в его куртку и, зажмурив в ужасе глаза, молилась.

– Обратно надо! Не пройдем! – его крик потонул в реве урагана. Он подергал ее за плечо и жестом показал в сторону колодца. Схватил монтировку и с силой воткнул ее в стык между брусчаткой. Так, ползком, они вернулись к колодцу и свалились в спасительную дыру.

Мокрые, грязные и продрогшие, они сидели в темноте коллектора, слушая под плотно прикрытой крышкой завывания наверху. Ольга тихо плакала, обняв ободранные колени.

– Ты пойми, – неожиданно виновато сказал Михаил. – Это просто невозможно!

– Я понимаю, – всхлипнула Ольга. – Вы и так для меня слишком многое сделали. И совсем не обязаны рисковать жизнью... Спасибо. И... извините.

Он не ответил. В темноте потряс фонарь, высыпал из отсека севшие батарейки. Вытащил из кармана новую упаковку

ку. Через минуту в коллекторе стало светло. Встал.

– Ты в своем фитнесе штанги не тягала? – неожиданно спросил он.

– Штанги? Нет, – Оля вытерла нос. – Ну, гриф от штанги только.

– А сколько он весит?

– Килограммов 20-25, наверное... Ну, плюс пару блинчиков можно. Это еще десять. А что?

– Сиди здесь! – приказал он и пошел вглубь тоннеля. Через минуту сидящая в темноте Ольга услышала его пыхтение. Михаил волочил какую-то странную ржавую конструкцию с вентиляем.

– Это что? – спросила она, вытирая глаза.

– Это сантехническая задвижка. Когда шли, увидел. Сейчас еще одну принесу. Там еще пара-тройка валяется.

– И зачем они нам?

– Займемся фитнесом! Лишние сорок килограммчиков нам не помешают!

Наверное, это было очень смешно со стороны. Но посмеяться было некому, их никто не видел. Ольга и Михаил, сидя на пятой точке и держась обеими руками за круглые вентили, отталкиваясь ногами от земли и пригибаясь от шквального ветра, тащили задвижки, спиной передвигаясь в сторону спортплощадки. Положение осложнялось тем, что пришлось огибать беснующийся на ветру электрокабель, разбрызгива-

ющий вокруг себя сноп искр.

Через полчаса, Михаил, держа монтировку синими от холода руками, поддел крышку люка...

Смех отдавался в темноте коллектора гулким эхом. Они лежали на куче мусора и хохотали. От ужаса пережитого, усталости и нервного напряжения.

Спустя пять минут, просмеявшись, пошли по длинному, благоухающему канализационными ароматами, тоннелю.

– Михаил? Скажите, а вы...

– Давай уже на «ты», – отозвался он, освещая путь.

– Хорошо. Миша, а все-таки, откуда ты знаешь про все эти ходы, что куда ведет?

– Работал инженером в Департаменте городского хозяйства. Поэтому знаю. Неоднократно спускался под землю. Правда, так далеко еще не забирался.

– А как ты оказался в подвале? Ты там живешь?

– Ну, можно и так сказать, – неохотно ответил он. – Жена выгнала, запил, с работы вылетел. В один момент всего лишился. Так бывает... Устроился в управляющую компанию сантехником. Разрешили жить в подвале.

Ольга аж остановилась от удивления.

– Выгнала?! Как можно выгнать человека практически на улицу?

– Всякое бывает, – бросил он и вдруг резко остановился. – Да ну на...!!!

Ольга выглянула из-за его спины. Луч фонаря блуждал по массивной сварной решетке, преграждающей им путь.

– Как так-то? – в бессилии прошептала Оля, чувствуя, как подкашиваются колени. Ей даже пришлось опереться о холодные бетонные стенки, чтобы не упасть. – Этого не может быть! Миша! Этого не может быть!!!

Воспитательница Марина Николаевна гладила по голове спящую на ее коленях девочку. Несмотря на жуткий грохот наверху, Катя уснула.

Достала телефон. Связи не было, вот уже несколько часов.

Ей было страшно. Страшно за этого маленького человечка, мирно сопящего у нее на коленях, за себя, за своего больного отца, который сейчас дома один, наверняка без света и воды, и тщетно пытается до нее дозвониться.

«Когда же это закончится-то?», – тоскливо подумала она.

Навесной замок был старым и ржавым, но крепким.

Михаил еще раз дернул монтировкой – толстая дужка даже и не думала поддаваться. Ольга стояла рядом, держа фонарь и с надеждой глядя на него.

– Бесполезно. Замок еще с другой стороны, неудобно. Даже не подлезть по нормальному, – он уперся лбом в решетку, тяжело дыша.

– Это кто там беспредельничает? – раскатился гулким эхом трескучий голос по ту сторону решетки. Ольга от испу-

га чуть не выронила фонарь. Направила. Луч осветил абсолютно маргинального вида мужчину с зажигалкой в руках.

– Кто такие?! – выкрикнул бомж.

– Мы? А-а-а... Скажите, а вы можете открыть эту решетку? – спросила Ольга.

– Решетку-то? Ну, допустим. Только на кой мне это делать?

– Понимаете, у меня дочь. В детсаду. Одна. А нам нужно попасть туда, – просящим тоном сказала Ольга. – А тут решетка... Минутку!

Она, положив фонарь на пол, торопливо вытащила из ушей серьги – золотые гвоздики с бриллиантовыми вставками. Потом сняла часы. Просунула руку через решетку. Тот подошел и с готовностью захватил содержимое ее ладони своей грязной рукой.

– Ну, откроете? – с надеждой спросила Ольга.

– Маловато будет! – нагло сказал маргинал, пряча в карман. – Да и толкнуть это надо еще. Мне бы наличку.

– У меня нет налички. Вот возьмите мою карту! Я вам пинкод скажу! Там около двухсот тысяч! Только откройте!

– Ага, щас. Чтобы потом меня у этого, как его там, банкомата повязали. Короче, будет наличка – обращайтесь, а пока... – он повернулся.

– Слушай, дружище! У меня есть рублей семьсот с собой! – соврал Михаил. – Может договоримся. На черпак и закусь хватит!

– Ладно! – повернулся бомж. – Давай!

– Прыткий какой! – засмеялся Михаил. – Ты сначала ключ покажи! А то деньги дам, а ты тю-тю...

Маргинал полез в карман грязной куртки и вытащил ключ. Покрутил его.

– И откуда он у тебя?

– Неважно. Деньги давай, – маргинал спрятал ключ и протянул руку через решетку.

– Держи, – Михаил подошел вплотную и вдруг резко схватил его за руку. Рванул на себя. Второй рукой схватил его за шею и буквально впечатал лицом в железные прутья. Тот испуганно ойкнул.

– Оля, ключ! Живее! – скомандовал Михаил.

Ольга быстро залезла к нему в карман.

– Открывай!

Нащупала невидимый с ее стороны замок. Вставила ключ, провернула. Дужка послушно щелкнула, открываясь. Вынула его из стальных ушек, бросила на землю.

Михаил толкнул решетку, прижимая маргинала к бетонной стене.

– Цацки на базу! Живо!

Бомж трясущейся рукой вытащил из кармана сверкающие при свете фонаря аксессуары Ольги.

– Ей верни! – рявкнул Михаил. – Не будь ты таким жадным, мог бы часы носить... И серьги...

– Ну?! Не можешь сад своей дочери узнать, что ли?!

– Я как-то не привыкла смотреть на него из канализационного люка! Вроде он. Да! Точно он! А почему там темно?! Миша, там свет не горит?! – в ее голосе стали отчетливо проступать нотки паники.

– Тьфу ты, женщина! – донеслось снизу, из темноты. – Если ты не заметила, то у нас ураган! Столбы с корнем выворачивает, провода рвет, какой свет?! Ну-ка, брысь с лестницы! Я сам посмотрю!

Ольга спрыгнула. Михаил забрал у нее фонарь, забрался, осторожно выглянул.

– Всего 20 метров! И забор сетчатый! Легче будет перелезть! Да и вокруг сада высотки – меньше ветра. Просто подарок какой-то! Готова?

– Да!

– Пошли!

– Катя! Катя! Марина Николаевна! Вы где?!

Луч фонаря метался по перевернутой детской мебели.

– Внизу что? – услышала она голос Михаила из коридора. Он подсвечивал отобранной у бомжа зажигалкой.

– Не знаю. Кухня, наверное...

– Пошли вниз.

Михаил расчищал путь к лестнице, сдвигая поваленные шкафы, отбрасывая поломанные стулья и столы.

– Катя! Марина Николаевна! Вы где?! – кричала Ольга.

– Мы здесь! Здесь! Внизу! – услышала она голос воспитательницы из подсобки.

Неделю спустя...

Город постепенно приходил в себя, расчищался, строился, восстанавливался. По местным телеканалам шли репортажи о последствиях сильнейшего урагана за всю историю города. Мелькали сытые лица чиновников, клятвенно обещавших восстановить город в ближайшие сроки.

Ольга смотрела в зеркало. Нос уже приобретал знакомые изящные черты, порезы на щеках и лбу от осколков лобового стекла почти исчезли. Можно и на улицу выходить...

Раздался телефонный звонок. Звонила секретарь Лена.

– Ольга Владимировна. Вы просили найти варианты квартир? Есть замечательная однокомнатная квартира! 50 квадратных. Премиум-класс. С видом на реку. Подземная парковка, охрана. Правда, из-за урагана пострадала придомовая территория, но этот вопрос уже решает застройщик. Цена... 150 тысяч за квадрат... Фотографии вам отправила. Могу поискать что-нибудь подешевле, в другом районе.

– Не надо, Леночка! Я покажу фото человеку, для которого ее покупаю. Решение за ним. Да, и еще! Ты помнишь мою просьбу насчет лекарств для отца воспитательницы моей дочери?

– Конечно, Ольга Владимировна. Я все сделаю.

Ольга подошла к большому панорамному окну, посмотрела на вечерний город. Люди, люди! Спешат по своим де-

лам, озабочены собственными проблемами, казалось бы, им нет никакого дела до других. Лица хмурые, неприветливые, серьезные. Но кто знает, если вдруг придет беда, возможно именно эти люди придут тебе на помощь? Взять хотя бы Михаила... Редкостное хамло, жуткий циник, невыносимый грубиян, виртуозный матерщинник, да и просто алкаш, но для нее он навсегда останется самым лучшим и настоящим человеком!

Чужая

– Как бы ей нападлить? – Кира швырнула сигарету прямо на асфальт. Проходящая мимо женщина недовольно поджала губы, но ничего не сказала. Себе дороже, сейчас такие подростки пошли – вешайся!

– Достала? Пилит? – сочувственно спросил Никита, выкидывая бумагу от шаурмы в стоящую рядом со скамейкой урну.

– Да нет, в том то и дело! – отмахнулась Кира. – Вся такая вежливая и заботливая, прямо до тошноты. Вчера, прикинь, меня с сигаретой спалила. Ну думаю, мне кабзда – сейчас отцу пойдет настучит.

– И что, настучала?

– Не-а. Просто сказала, что курить вредно. Минздрав типа предупреждает...

– Тебе еще повезло. У меня вот мамка – родная, так знаешь, как меня достает?! То уроки, то уборка, вчера вообще планшет отобрала. Типа не получишь, пока пару по физике не закроешь. Одолела уже!

– Родная мамка – всяко-разно лучше, а у меня – мачеха! Надо подумать, как ее выжить из нашей семьи...

– Кира, обедать будешь, – донеслось из кухни, как только она вошла в квартиру.

– Я уже поела, – буркнула Кира, разуваясь.

– Где это ты успела? – Аня вышла из кухни.

– С Никитосом по шаурме заточили, – она даже на нее не взглянула.

– Это – не еда. Давай мой руки и...

– Да ты достала уже! – психанула Кира. – Перестань строить из себя заботливую мамочку! Ты мне не мать!

Аня прислонилась к стене.

– Я и не пытаюсь ею быть, Кира. Но у нас вполне могут быть, если не теплые, то, хотя бы, нормальные взаимоотношения. Ты так не думаешь?

– Не думаю! – Кира зашвырнула сумку в угол, открыла дверь своей комнаты. – Я о тебе вообще не думаю, ты для меня пустое место, ничто!

Дверь захлопнулась так резко и громко, что Аня вздрогнула.

– Если захочешь есть, то разогреешь. Все найдешь в холодильнике.

– Сама ешь! Отвали уже!

Олег с аппетитом уплетал завтрак, глядя влюбленными глазами на жену.

Как же ему повезло! Красивая, заботливая, хозяйственная! Чудо, а не жена! Не то что его бывшая, мать Киры. У той кроме мерзотного характера и не было ничего. Даже элементарной совести! А про материнский инстинкт можно во-

обще забыть – он у нее так и остался в зачаточном состоянии, не развился. Бросила его с десятилетней дочерью и укачала в свою Чехию, с каким-то воздыхателем. Если позвонит раз в год, и то хорошо... А Кирка скучает, конечно. Не считает мать предательницей. Оно и понятно, мать есть мать... Правда с Аней не ладит. Но дело времени, притрутся еще. Сколько таких случаев было, когда все хорошо заканчивалось. Хотя, когда финал был печальным – тоже хоть отбавляй. Ладно, посмотрим...

– Слушай, а может нам сходить куда-нибудь на выходных? – с энтузиазмом предложил Олег, – Втроем. В цирк или в кино?

Аня не ответила. Просто помотала головой.

– Почему? Не хочешь? – спросил Олег.

– Хочу, но, боюсь, Кира будет не в восторге от моей компании. К тому же, у нее сейчас такой возраст... Они со взрослыми не ходят в кино, у них друзей хватает. Свободные, независимые. Сами себе на уме...

В кухню вошла заспанная Кира.

– Привет, дочь! – махнул вилкой в знак приветствия Олег. – Как спалось?

– Фигово! Кошмары снились, – недружелюбно ответила дочь. Залезла в холодильник и вытащила сок в тетрапаке.

– Кошмары? – удивился отец. – А что именно?

Кира отпила прямо из пакета. Усмехнулась.

– Мне, папа, приснилось, что ты меня выгнал на улицу. В

дождь. Со словами, что я тут лишняя, и ты вполне счастлив со своей новой женой. А я плачу, рыдаю, умоляю... На коленях стою! Стучусь в дверь, а ты открываешь и показываешь мне кулак. И говоришь, что если я попробую вернуться, то ты меня просто убьешь! Вот так вот...

Олег закашлял, подавившись омлетом. Покраснел, натужено хрипя. Кира, хлопая его по спине, со вздохом продолжила:

– И вот сейчас я смотрю на эту женщину на нашей с тобой кухне и понимаю, что кошмар продолжается...

Аня закрыла глаза. Тонкие пальцы сжали кухонное полотенце. Она вышла из кухни и закрылась в ванной.

Кира с презрением смотрела на одноклассника.

– Ты ссыкун, Никитос! Нафига мне такой парень?

– Кир, ну зачем ты так? Человек же все-таки... – Никита сжался под ее взглядом.

– Она прежде всего чужая, которая пришла в наш дом. В мой дом! Хотя, что я тобой тут разговариваю? Очконавт! Ссыкло! Лошара конченный!

Кира схватила со скамейки сумку. Презрительно посмотрела на Никиту.

– С этой минуты можешь ко мне даже не подходить. А то, что мы с тобой целовались, про это вообще забудь! – бросила она и медленно пошла прочь. Начала мысленный отсчет: один, два, три...

– Кир! Кира-а-а-а! Ну, хорошо, я согласен! – прозвучало в спину на счете семь.

Кира улыбнулась. Влюбленный идиот! И такой предсказуемый – аж противно...

Олег вскочил и бросился навстречу доктору.

– Доктор, ну что?! – его пронзительный крик разнесся гулким эхом в стенах больничного коридора.

– Операция прошла успешно. Состояние стабильно-тяжелое. Самое худшее позади. Повезло, что позвоночник цел и внутренние органы не пострадали. Прогнозировать рано, но шансы высоки на полное выздоровление. Но! Черепно-мозговая – это все-таки не шутки. У вас есть кому ухаживать за женой после выписки?

– Я сам буду! – решительно ответил Олег. – А к ней можно?

– Нет. Она в реанимации. Вот переведем в палату, тогда сможете навестить. Полиции я уже сообщил. Мы обязаны так делать, когда налицо травмы не бытового характера.

– Я вас понял, – кивнул Олег и протянул доктору руку. – Спасибо.

Капитан смотрел изучающе, недоверчиво. Олег пытался прикурить. Руки ходили ходуном, зажигалка упорно не хотела загораться. Капитан вытащил из кармана свою. Щелкнул.

– Спасибо, – поблагодарил Олег, выпуская дым.

– Продолжим? – поинтересовался полицейский.

– Да-да, конечно...

– То есть, вы утверждаете, что вам эти люди не знакомы? – палец снова ткнул в черно-белые снимки с камер наружного наблюдения. – Ни эта девушка, ни парень?

– Н-н-нет! Я их не знаю. Да и качество плохое. К тому же со спины. Нет, я их точно не знаю!

– А почему вы так волнуетесь? – недоверчиво прищурился полицейский. – Мне кажется, вы что-то недоговариваете...

Олег вытер моментально вспотевший лоб. Затушил сигарету.

– Послушайте! Не каждый день видишь, как твою жену бьют битой по голове и толкают с лестницы! Вы меня тоже поймите!

– Понимаю. Скажите, а у вашей супруги были враги? Недоброжелатели?

– Да вы что?! – воскликнул Олег. – Какие враги у обычной женщины-домохозяйки? Да и не такой она человек, чтобы с кем-то враждовать! Не такой! Понимаете?

– Даже у самой обычной домохозяйки могут быть самые обычные враги. Среди домашних, например.

– Что вы имеете в виду? – похолодел Олег.

– Вы сказали, что женаты во второй раз. И у вас пятнадцатилетняя дочь от первого брака. Какие у потерпевшей были отношения с ней?

– Нормальные. Были некоторые шероховатости, но... это обычное дело... Неужели вы думаете, что это она?

– Я много чего думаю... Как только ваша супруга будет готова дать показания, я обязательно задам ей те же самые вопросы. И не дай Бог, вы от меня что-то утаили. Вот моя визитка. Будет что сказать – звоните.

– Зачем, Кира?! Зачем?!!!!!!!

Девочка испуганно вжалась в диван. Щека горела от пощечины. Ей было страшно. Она никогда не видела отца в таком состоянии. Обычно сдержанный и дружелюбный, сейчас он был готов рвать и метать, несмотря на то, что перед ним родная дочь.

– Я сразу узнал вас, как только снимки увидел! Сразу! И тебя, и твоего дружка Никиту! Он бил, ты толкала. Повторяю вопрос, зачем?!

Олег замахнулся. Кира закрылась руками. Олег взревел и со всего маху опустил кулак на стол. Глухой удар. Столешница с жалобным скрипом развалилась надвое. Он обессиленно опустился на пол, держась за руку. Сломанная кисть висела плетью.

Губы еле шевелились. Некогда очень красивая женщина сейчас больше походила на мумию. Руки и голова замотаны в бинты, виден только глаз – воспаленный, с красными прожилками.

– Анна Сергеевна. Я не отниму много времени, учитывая ваше состояние. Но я обязан задать вам несколько вопросов.

– Задавайте, – сказала Аня. Голос звучал слабо, почти шепотом.

– Вы знаете, кто на вас напал?

– Нет. Было темно. Я просто шла. Удар в затылок, и я покатила по лестнице.

Капитан вытащил из папки черно-белые фотографии.

– Это снимки с камер наружного наблюдения с магазина, возле которого на вас напали. К сожалению, нападавшие были сняты только со спины, затем они сразу же скрылись в переулке. Скажите, вы их узнаете?

Капитан держал фотографию перед ее глазами. Глазом, если точнее.

– Нет, я их не знаю.

– Точно?

– Да.

Олег легонько погладил ее по щеке здоровой рукой.

– Как ты, Анечка?

– Нормально, – глаз наполнился слезами. – Не переживай. Мне уже лучше. А что у тебя с рукой?

Олег отвернулся, держась за свою загипсованную руку.

– Да это... так, упал, – нарочито беззаботно ответил он.

– Мы даже в этом с тобой похожи. Оба падаем, – разбитые губы растянулись в подобие улыбки. – Как дела? Как там

Кира?

И по этому, вроде бы безобидному вопросу, Олег понял – Аня знает все! Она прекрасно знает, кто с ней такое сделал. Не то, чтобы он пытался от нее скрыть, скорее, он просто не знал, как начать этот тяжелый для обоих разговор.

– Ты прости ее. Я... я тебя очень прошу. Я... я не имею права тебя об этом просить, но, пожалуйста... – Олег опустился перед ней на колени. Уткнулся носом в ее забинтованные руки и заплакал. Этот большой и сильный мужчина сейчас стоял перед ней на коленях и плакал. От безысходности своего положения, от чувства вины перед женой, от страха за дочь, от злости на самого себя...

– Олег. Встань. Я ничего не сказала полиции. Ты извини, но я очень устала. Иди, пожалуйста.

Олег смотрел на них тяжелым взглядом.

– Вы понимаете, что натворили? В ваших бестолковках есть хоть немного мозгов? Вы даже представить не можете, как мне хочется вас удавить!

– Мы не хотели... Мы хотели просто попугать, – глядя в пол, выдавил Никита.

Олег лишь по лбу себя хлопнул, ибо тупее ответа сложно было представить.

– Вам повезло, что Аня жива и идет на поправку, не было свидетелей, а ваши рожи не засветились на камерах. Вам тут вообще сказочно фортануло! Но самое главное ваше везение

в том, что она отказалась писать заявление! Только поэтому вас не будут искать. Вы ей кругом должны, дебилы малолетние!

Кира глотала слезы, Никита смотрел в пол и тоже, кажется, намеревался расплакаться.

Олег приподнял его голову за подбородок. Заглянул в глаза.

– Никита, только по одной причине я не могу тебя сейчас прибить – в этом замешана Кира. И ее не могу – потому что дочь! Я даже сдать ментам вас обоих не могу!

– Простите, пожалуйста, – заикаясь, пробормотал Никита.

– Заткнись! Вы не у меня должны просить прощения! – выкрикнул Олег. – Короче так, Никита. Больше с моей дочерью ты общаться не будешь. Причем, для твоего же блага. Если увижу вас вместе, я оторву тебе уши и принесу твоим родителям. А если им это не понравится, то я расскажу, как ты ударил беззащитную женщину битой по голове. Ты меня понял?

Никита кивнул.

– А теперь пшел вон!

Мальчишка с облегчением выбежал из квартиры.

Олег повернулся к плачущей дочери. Презрительно усмехнулся.

– Кира, не плачь. У меня для тебя очень хорошая новость. Долгожданная!

– Какая? – прорыдала дочь.

– Аня со мной разводится. И запретила мне появляться в больнице. Ты своего добилась...

Развелись быстро. Ничто не препятствовало расторжению брака – не было ни имущественных споров, ни общих детей. Обоюдное согласие. Он поехал домой к дочери, она – к своим родителям. Он увозил домой чувство вины и сожаление, она – стойкую уверенность, что больше не сможет жить с этим человеком, отцом девочки, которая в своей ненависти к ней зашла так далеко.

А как же любовь, спросит читатель, ну, та самая, которая превыше всего, которая все стерпит и прочее? Даже самую большую любовь можно растоптать вот так вот, на раз! Разбить одним ударом бейсбольной биты...

Аня полностью восстановилась. Лишь только шрам на затылке под уже начинающими отрастать волосами напоминал о случившемся. Устроилась на работу, вернулась к нормальной жизни и старалась по возможности радоваться каждому дню. Об Олеге пыталась не вспоминать, гоня прочь жалость к нему...

Олег поступил так, как поступает, наверное, каждый второй русский мужик в случае сложной жизненной ситуации – он просто тупо забухал. Он бухал так самозабвенно, с полной отдачей и упиваясь своим горем, что Кира забила тревогу.

– Папа! Хватит! – она с силой вырвала из его руки бутылку. Он поморщился. Рука после перелома еще ощутимо по-

баливала.

– Отдай и уйди в свою комнату! – потребовал он. Встал и грубо оттолкнул ее. Кира упала на пол.

– Пап, хватит! Пожалуйста! – с мольбой в глазах попросила девочка. Покатались слезы.

Олег замер. Что же он делает?! Какая бы она ни была, она его дочь! Он наклонился и поднял ее с пола. Обнял. Поцеловал в щеку. Вытер ее слезы.

– Да, дочь. Ты права. Надо завязывать. Будем дальше жить.

Они так и сидели на кухне, обнявшись. Отец и дочь. Брошенные, никому не нужные. Одинокие.

Полгода спустя...

Аня торопилась домой с работы. К бордюру подъехала машина, из окна выглянул мужчина.

– Анна Сергеевна! Подождите!

Аня обернулась. Тот самый дотошный полицейский, который приходил к ней в больницу несколько раз. Господи, неужели опять все по новой?!

– Анна Сергеевна! Как вы себя чувствуете? – вопрос прозвучал не дежурно, ради вежливости, а с каким-то искренним участием.

– Спасибо. Уже хорошо. Столько времени прошло. Интересно, а как вы меня узнали? В последний раз когда мы виделись, я была вся в бинтах.

– Я был в больнице в день вашей выписки. В машине си-

дел. Просто мне было интересно, кто вас заберет домой? Как я и полагал – не муж. Отец, да? Лишний раз подтвердились мои догадки относительно вашей падчерицы.

– Она мне уже не падчерица. Я в разводе. Все в прошлом. У вас все?

– Да.

– Всего хорошего!

– Опять вы?! Вы меня преследуете, что ли, товарищ капитан?! А цветы зачем? – она перевела взгляд с его улыбающегося лица на огромный букет алых роз.

– Вам. И не капитан, а Павел.

Аня растерялась. Машинально приняла букет.

– Спасибо, Павел. Неожиданно.

– Предлагаю где-нибудь посидеть, – улыбнулся он.

– В КПЗ? – пошутила Аня, зарывшись носом в букет.

– В кафе! – засмеялся Павел.

Прохожие с улыбкой смотрели на эту привлекательную смеющуюся пару. Она – красивая девушка с роскошным букетом алых роз, он – крепкий, широкоплечий парень в форме офицера полиции. С виду обычная пара на первом свидании. И, конечно, никто не догадывался, что у этой встречи была такая непростая предыстория...

Это мой выбор

– Двенадцатая! ДТП. Пересечение Садовой и Гороховой. Один пострадавший, – хрипнул динамик автомобильной радиостанции.

– Принято, – ответил Максим. Перестроился в правый ряд, и карета скорой помощи, сверкая маячком и ревя сиреной, свернула в переулок, срезая маршрут.

– Девчонки и мальчишки, у нас вызов! – крикнул во внутреннее окошко Максим, не отрывая взгляда от дороги.

– Слышали, – ответила Лена и ободряющее подмигнула молодому фельдшеру Вадиму. Тому было явно не по себе – все-таки первый день на линии.

– Привыкнешь, – улыбнулась Лена. – Все привыкают.

Он смутился и, чтобы скрыть волнение, спросил.

– Елена Петровна, я слышал ваш отец занимает далеко не последнюю должность в Центре Алмазова?

Лена кивнула, прекрасно понимая, какой вопрос будет следующим. Наверняка, что-то типа: и ты работаешь в скорой?!

– Тогда зачем вы работаете в скорой?! – ахнул фельдшер.

Лена улыбнулась. Люди все-таки предсказуемы!

– Почему это? – Вадим обвел салон. – Зачем? Неужели отец не подсуетился бы ради дочери? Вы ему не родная, что ли?

Лена расхохоталась. Бесцеремонность новичка не столько раздражала, сколько забавляла.

– Очень даже родная. Единственная!

Вадим смутился.

– Простите. Несу всякую околесицу. Волнуюсь просто.

– Все в порядке, – успокоила Лена.

Машина резко остановилась.

– Приехали, – объявил Максим.

Некогда роскошный спорткар сейчас представлял собой груды искореженного металла. Фонарный столб, в которую врезалась Мазерати, выгнуло дугой. Повсюду, вперемешку с битым стеклом, валялись исковерканные детали кузова. Неизменная толпа зевак с энтузиазмом фотографировала то, что когда-то было одним из самых дорогих автомобилей в мире. Сотрудники ДПС деловито заполняли бумаги.

Спасатели уже извлекли из салона водителя, теперь он лежал без сознания на асфальте.

Лена нащупала слабый пульс.

– Носилки! Быстро! – скомандовала она.

Водитель Максим помог фельдшеру поместить пострадавшего в скорую. Хлопнули двери, и карета, развернувшись и крикая спецсигналом, помчалась в сторону набережной.

Лена вошла в парадную. Поднялась по широкой лестнице на второй этаж, на ходу доставая ключи. Она здесь – редкий гость... После смерти мамы Лена предпочитала встречаться

с отцом на нейтральной территории, где-нибудь в кафе или парке. Не очень хотелось видеться с его новой женой, точнее, Лена ее терпеть не могла! Впрочем, та тоже была не в восторге от встреч с единственной дочерью мужа.

Отец сидел спиной и что-то старательно писал, до того увлеченный, что даже не слышал, как кто-то вошел в квартиру. Лена встала в дверях его домашнего кабинета.

– Пап, привет! – громко прошептала она.

Отец повернулся, снимая очки.

– Лена? Здравствуй, дочь, – он подошел к ней. Они не виделись месяца два, лишь изредка созваниваясь. Лена отметила, что отец сильно похудел, а волосы стали еще белее.

– Лена, что-то случилось? Не позвонила, – отец поцеловал ее и погладил по волосам.

– Нет, пап. Решила заехать. Соскучилась. Ты ел что-нибудь? – она провела по его запавшим щекам, заросшим седой щетиной.

– Конечно! Мы заказали отличные суши!

– Опять? – нахмурилась дочь. – Сколько можно уже? Суши, роллы... Вы скоро по-японски заговорите. Она вообще что-нибудь готовит?

– Дочь, ну ты же знаешь... Оксана постоянно занята. Репетиции и все такое!

– Она твоя жена! – возмутилась Лена, – И уже потом актриса. Кстати, я была на спектакле... Так себе. Неубедительно. Ей бы деревья играть.

– Лена! – укоризненно посмотрел отец.

– Ладно-ладно, молчу. Пойду выражу восхищение ее неземным талантом. Ты не волнуйся, папа.

Отец покачал головой, глядя ей вслед, вздохнул и вернулся к рабочему столу.

Лена постучала и, не дожидаясь разрешения, открыла дверь комнаты. Оксана, симпатичная тридцатипятилетняя брюнетка, сидела перед зеркалом и что-то бубнила, заглядывая в пачку распечаток.

– Здравствуйте, матушка! – Лена поклонилась в пол.

Оксана фыркнула.

– Лена, я же просила не называть меня так! Какими судьбами?

– Ты замужем за моим отцом. Старше меня на четыре года и два месяца. Как мне еще тебя называть?

– Мой возраст тут совсем ни при чем! – Оксана недовольно поджала губки. – Ты это сейчас специально, да?

– Ладно, проехали, – махнула рукой Лена. – А теперь давай по существу. Ты не могла бы хоть иногда готовить отцу нормальную еду? Сколько я тебя знаю, ты постоянно что-то заказываешь.

Оксана поморщилась.

– Мы вполне обеспеченные люди, можем позволить. А что ты подразумеваешь под нормальной едой?

– Тебе поваренную книгу подарить?

– Я не умею готовить, – выдала Оксана, видимо считая,

что это вполне весомый аргумент. Типа, вот не умею и все, и идите все лесом. Вместе со своей поваренной книгой.

Лена почувствовала, как на виске начала пульсировать вена, что бывало с ней в моменты крайнего раздражения.

– Хорошо. У меня завтра выходной. Могу приехать, и мы вместе что-нибудь приготовим. Например, борщ. Папа его очень любит.

– Борщ? Это капуста вареная? – невинно спросила Оксана.

– Не только, там еще и другие ингредиенты имеются, – терпеливо ответила Лена, прекрасно понимая, что Оксана просто кривляется.

– Мы живем в двадцать первом веке, сейчас все можно купить. Даже с доставкой. И вкусно, и быстро, – снисходительно улыбнулась Оксана. – Если ты привыкла есть свои борщи, то пожалуйста, но нас с Петенькой и так все устраивает.

– Отец уже не молод, в его возрасте питаться тем, что ты....

– Ой, ну что ты! Петенька в отличной форме, – восторженно перебила ее Оксана.

Лена глубоко вдохнула и мысленно досчитала до пяти. Выдохнула.

– Оксана, я понимаю, что ты звезда Мариинки и вообще богема, но надо иногда спускаться со своего Олимпа и готовить мужу борщи.

– Это сейчас был сарказм? – прищурилась Оксана, отчего

милое личико моментально приобрело хищное выражение.

– Это был прямой текст – готовь мужу жрать! – рявкнула Лена, теряя терпение.

– Что за выражения? Ты не в казарме! – насупилась Оксана.

– А ты не в театре, поэтому оставь свои тупые ужимки! – окончательно взорвалась Лена.

В комнату стремительно вошел отец. Встал между ними словно рефери между боксерами и призывно поднял руки.

– Девочки, не ссорьтесь! Я подслушал ваш жаркий диалог, уж больно громко вы разговаривали, и мне пришла гениальная идея. Мы возьмем домработницу!

Оксана восторженно захлопала в ладоши.

– Петенька, я тебя обожаю!

Лена в отчаянии закрыла глаза. Она чувствовала, что больше не может здесь находиться. Еще немного, и отец овдовеет во второй раз. Уже по ее вине.

– Да делайте вы, что хотите. Нанимайте домработниц, шоферов, садовников, – она устало махнула рукой. – Дворецкого не забудьте. Графья!

Уже в дверях Лена обернулась.

– Оксана, ответь мне на один вопрос. Трудно быть деревянной?

– Петя! Почему она меня постоянно оскорбляет?!

– Оставь как есть, – сказал Саша. – Отпусти.

– То есть как? – не поняла Лена. – Он мой отец. Что значит «отпусти»?

Саша отложил в сторону журнал. Посадил Лену себе на колени и посмотрел в глаза. Взгляд его был серьезным.

– Вот смотри. После интернатуры ты пошла получать квалификацию врача скорой помощи, так? Хотя вроде планы сначала были другие.

– Ты кругами не ходи, – нахмурилась Лена. – При чем здесь это? Я тебе про отца и Оксану, а ты... Ну да, пошла.

– Твой отец был крайне против. Он хотел, чтобы ты работала в приличной клинике, так? Он и на рычаги нужные нажал, чтобы обеспечить тебе теплое место, так?

– Да, нажал. Я ему еще такой скандал закатила! Ого-го! – засмеялась Лена. – И он все понял.

– Во-о-от! Он все понял и отпустил. А почему ты решила работать в скорой?

– Потому что я так захотела. Это был мой выбор!

– Ну вот видишь! – улыбнулся Саша. – Также и в случае твоего отца. Он сделал свой выбор! Он женился на Оксане потому, что захотел. Он прекрасно понимал, что от людей ее творческой профессии каких-то особых кулинарных подвигов ждать не приходится. И его никто не заставлял.

– При чем здесь это вообще! – Лена спрыгнула с его колен и заходила по комнате. Саша с улыбкой наблюдал за женой. – Ты все смешал в кучу. При чем здесь моя работа и то, что эта маргышка его не кормит?!

– Ситуации разные, – согласился Саша, – Но суть одна. Человек делает свой выбор! Осознанно, самостоятельно! И несет за это ответственность!

Лена остановилась посередине комнаты.

– А если я тебя сейчас посажу на голодный паек? Консервы, чипсы, бич-паста и еще что-нибудь примитивно-гадкое... Ты как отреагируешь? Понравится, а? – Лена воинственно подбоченилась.

– А вот это уже протест, – засмеялся Саша. – Ты просто не ожидала услышать такое. Думала, что будут дежурные слова поддержки и прочие сопли?

Лена растерялась.

– И еще! – Саша поднял палец. – Ты смотришь на всю эту ситуацию сквозь призму личной неприязни к Оксане. Как к мачехе, чужому человеку в вашей семье. Возможно даже ви-нишь отца, неосознанно, в предательстве памяти жены, твоей мамы. Но Оксана в этом не виновата, никто не виноват! Подумай над этим. И еще! Мартышка – это маленькая обезьянка, а Оксана – человек...

Саша снова открыл журнал и погрузился в чтение. Лена села рядом, наморщила лоб. Она думала. Спустя полчаса потормошила мужа, который уже похрапывал с журналом на лице.

– Саня, а почему ты у меня такой умный, а? Признавайся, ты еще и психолог?

– Нет, я инженер.

– Душ человеческих?

– Отопительных систем.

– Пап, Оксана дома?

Отец вздохнул в трубку.

– Лена, если ты еще не все ей сказала, то я прошу тебя: не надо!

– Я тут просто подумала, возможно, была не права... Ты ее любишь? Да ты не бойся, говори, как есть!

Отец засмеялся.

– Я не боюсь. Да, люблю. И она меня – тоже. Просто ты многого не знаешь. Не хочешь знать! Ты с самого начала восприняла ее в штыки. Я тебя понимаю, ты считаешь, что я предал маму. Но это не так! Я ее любил! Но мамы нет, и надо жить дальше.

У Лены навернулись слезы.

– Ты даже представить не можешь, как Оксана плакала сначала, что не может с тобой найти общий язык, – продолжал отец. – Поверь, она очень переживала. Потом со временем, видя твоё отношение, как-то зачерствела, что ли. Поняла, что насильно мил не будешь. А все эти ее, как ты выразилась, ужимки – не более, чем оборона. Да, неумелая, вычурная, раздражающая, но всего лишь оборона! Она так защищается.

– Ты?!

– Я.

– Принесла поваренную книгу? Давай, хоть картинки посмотрю, – Оксана села на диван и, закинув ногу на ногу, скрестила руки на груди. Выжидающе посмотрела на Лену.

– Нужно поговорить.

– О чем? – усмехнулась Оксана. – О щах?

– Оксана, ты хороший человек, – выпалила Лена.

Оксана нахмурилась.

– Ход конем? Это такая многоходовочка? Да ты стратег! Давай уже, начинай сразу с гадостей! Я тебя раскусила...

– И хорошая жена, – продолжала Лена.

– Лена, я не знаю, что ты задумала... – напряглась Оксана.

– И актриса яркая.

– Ты сюда глумиться пришла, что ли?! – рассердилась Оксана.

– И ты – не деревянная, – подытожила Лена.

В комнате повисла тишина.

– Могла бы сразу налить мне яду, без этих непонятных прелюдий, – фыркнула Оксана.

– Я не собиралась тебя травить, я хочу с тобой помириться, – развела руками Лена.

– А можно узнать, почему?

– Ради отца, ради себя... Да и поняла многое. Объяснили умные люди, – вздохнула Лена. – Я понимаю, со стороны это выглядит подозрительно.

На этот раз тишина затянулась. Оксана озабоченно смот-

рела на Лену, думая о чем-то.

– Не веришь? – наконец спросила Лена.

– Да как тебе сказать... – осторожно начала Оксана, готовая к тому, что вот, прямо сейчас, Лена глумливо усмехнется и выдаст ей очередную порцию «комплиментов». – Мне бы хотелось верить, если честно. Эта наша с тобой вражда затянулась немного. И от этого никто не выигрывает.

Лена видела перед собой совершенно другую Оксану. Сейчас перед ней сидела нормальная женщина, которая устала играть роль противной мачехи. Возможно, самая трудная роль в ее жизни.

– Ты меня извини, – пробормотала Лена.

– Это ты меня извини! – вдруг горячо ответила Оксана. – Я неправильно поступала. Из-за нашей с тобой вражды совсем забыла о твоём отце. Ты, кстати, во много права! Я это признаю, Лена!

Они опять замолчали. Обе всхлипывали и вытирали глаза.

– И ты не знаешь одного, и я Пете запретила говорить тебе об этом, – сказал Оксана.

– И чего я не знаю?

– Я, если честно, пыталась готовить. Правда! Неоднократно! И пироги пекла. Неудачно. У меня даже яичница пригорала, хотя ее умеет готовить любой холостяк.

Теперь Лена отчаянно боролась с удивлением.

– Ерунда получалась, что на вид, что на вкус! – продол-

жала Оксана. – Такое ощущение, что у меня обе руки – левые! Вот прямо все валится из них! Петя, конечно, ел, но в его глазах была такая вселенская тоска, что я просто бросила эту затею...

– Я же предлагала тебе вместе готовить?

– Это было в контексте нашего с тобой неприятного разговора, поэтому я не восприняла это всерьез... Я тут купила днем на блошином рынке... Просто не решаюсь начать. У меня какой-то уже комплекс выработался, что я вообще ничего не умею. Может поможешь, а? Если ты серьезно, конечно...

Оксана встала, открыла ящик стола и что-то вытащила оттуда. То, что увидела Лена, добило ее окончательно. Это было потрепанное советское издание «Книги о вкусной и здоровой пище».

– Алло? Саша! Здравствуй, это Петр Сергеевич.

– Добрый вечер, Петр Сергеевич. Что-то случилось?

– Нет, то есть да! Слушай, Лена себя странно как-то ведет.

Ты не заметил?

– Нет, а что?

– Да как тебе сказать... Она позвонила, сказала, что была не права по отношению к Оксане... Сказала, что хочет с ней увидеться.

– И?

– Приехала сразу. Они там о чем-то долго разговаривали

в комнате. Потом вышли, чуть ли не в обнимку, обе зарёванные, но абсолютно счастливые. Собрались и вместе ушли.

– А дальше?

– А дальше самое интересное! Они вернулись с четырьмя огромными пакетами продуктов. И вот в данную минуту на кухне что-то готовят. Вместе! А я сижу сейчас в комнате и думаю: а что это было? Обычно, когда Лена приходит, в квартире идут бои за город Будапешт, а тут – идиллия! Ты не в курсе, что так на нее повлияло?

– Понятия не имею. Но я бы на вашем месте радовался.

– Так я и радуюсь! Но тихо, чтобы не спугнуть! Уж больно долго я этого ждал...

Я отдаю вам долг

Начальник службы безопасности смотрел невозмутимо. По бесстрастному выражению лица невозможно было определить реакцию на просьбу начальницы.

– Да, именно так. Проследить за моим мужем, – подтвердила сказанное минутой ранее Вика. – Думаю, с вашим опытом это не составит особого труда.

– Я вас прекрасно понял, – ответил Александр.

– Разумеется, вас ждет солидная прибавка к заработной плате, – добавила Вика.

– Какие сроки, Виктория Владимировна? – этот крепкий и невозмутимый человек явно не привык терять время на пустые разговоры.

– Не тороплю, но хотелось бы поскорее.

Он кивнул. Повернулся и пошел к выходу.

– Александр Григорьевич! Хотелось бы предупредить, что этот разговор строго между нами!

Он повернулся.

– Это лишнее. Я не болтлив.

На стол легли фотографии. Много. Цветные и хорошего качества. А еще – очень веселенькие, недвусмысленно дающих понять, что ее муж крутит романы на стороне. Ее догадки подтвердились.

Вот они сидят в кафе. Он целует ручки красивой брюнетке. А вот он поднимается по ступеням отеля, держа руку пониже спины своей спутницы – стройной рыжеволосой женщины. А вот его машина, крупным планом. А там...

Пока Вика с безгловым видом рассматривала снимки, Александр вытащил из кармана флешку. Положил на стол.

– Здесь все то же самое, только видео.

Вика закрыла глаза. Посидела минуту, борясь с навалившимся на нее отчаянием, граничащим с ненавистью. Открыла глаза.

– Благодарю. Отличная работа!

– И что скажешь?! – она швырнула фотографии ему в лицо.

Игорь поднял их с пола, внимательно рассмотрел.

– Монтаж! Причем, кривой. Кто все эти женщины? Я их не знаю!

– Давай тогда посмотрим кино. Занимательное видео из жизни животных. – Вика вздохнула. Реакция мужа была предсказуемой. Подошла к огромному телевизору и воткнула флешку в боковую панель. Тонкие пальцы щелкнули по кнопкам на пульте.

– И что? – Игорь мрачно смотрел в экран. – Ну сидим в кафе. Хорошая знакомая. И что?

– Ладно, – легко согласилась Вика, нажимая на перемотку. – Давай перемотаем. Мне вот это так нравится. Лес. При-

рода. Машина. Романтика.

Палец нажал на кнопку воспроизведения.

– А-а-а, зайка моя, ты супер! Да, да! Ты богиня! – на экране открытая задняя дверь машины мужа. Муж со спущенными штанами. Широко разведенные женские ноги в красных туфлях. Машина весело покачивалась.

Игорь выхватил пульт. Выключил.

– И что? – в который раз спросил он. Впрочем, уже не так самоуверенно, скорее – растерянно.

– Берешь свои шмотки и валишь к херам из моего дома. Мой адвокат свяжется с тобой. Разводимся! – Вика подошла к окну. Невидящими глазами уставилась в хорошо освещенный двор своего загородного дома.

– И все? – услышала она злобное.

– Да, – повернулась к нему. – Впрочем, нет. Забыла сказать: ты нихера не получишь при разводе! Твоего здесь ничего нет и не было никогда.

Она не договорила, потому что Игорь вдруг вскочил с дивана и накинулся на нее. Ударил наотмашь. Вика отлетела в сторону, больно ударившись щекой о подлокотник кресла. Испуганно поползла, глядя на приближающегося Игоря. Лицо мужа исказила гримаса злости, глаза полыхали ненавистью. Схватил со стола лампу, рывком выдернул шнур. Подскочил к ней, молниеносно обмотал белый провод вокруг шеи.

– Убью!!!

Шнур затянулся. Вика, хрипя, отбивалась.

– Без денег решила оставить?! Убью! – орал он, безумно вращая глазами.

Почти теряя сознание, Вика схватила стационарный телефон. Со всей силы ударила его по голове. Аппарат разлетелся на куски. Муж отшатнулся. Упал и ударился виском об угол тумбочки.

Держась за горло и кашляя, Вика отползла к столу. Игорь не шевелился, а под его головой медленно растекалась лужа крови.

«Убила!» – Вику охватил панический страх. Воя от ужаса, схватила мобильник. Надо звонить в скорую! Трясущимся пальцем полистала по экрану и наткнулась на номер начальника охраны. Уже не контролируя себя, нажала на дозвон.

– Александр Григорьевич! Помогите, пожалуйста! Мне кажется, я его убила!

Александр, освещенный светом фар, сильными движениями копал яму. Вика сидела в его машине, безучастно наблюдая. Наглотавшись успокоительного, она ничего не чувствовала, кроме безразличия. Все было как во сне.

Начальник охраны сбросил тело в яму и принялся закапывать могилу. Через двадцать минут все было закончено. Он закидал место ветками и опавшими листьями. Вернулся к машине, закинул лопату в багажник, сел за руль и поехал по пролеску в сторону трассы.

– Что теперь будет? – спросила Вика.

– Через три дня пишете заявление о пропаже мужа. Сегодня же уничтожаете компрометирующие его фотографии и флешку, убираете все следы борьбы в доме, выкидываете эту одежду. Обзваниваете знакомых, не видели ли они вашего мужа. И вам повезло, что вы живете в загородном доме. Обошлось без лишних глаз.

Слова начальника охраны звучали обыденно, спокойно. Можно было подумать, что он только этим и занимался всю жизнь – «убирал» за другими.

– Теперь самое главное – алиби. Вы были со мной. Всю ночь. Вернулись домой под утро и обнаружили, что муж пропал. Машина в гараже, а мужа нет. Придется записать меня в ваши любовники. Жены у меня уже нет, поэтому оправдаться мне не перед кем.

– Зачем вы это делаете? Вы же соучастник преступления. – спросила Вика.

Александр Григорьевич остановил машину и внимательно посмотрел на нее.

– Я, как бывший сотрудник МВД, в курсе, как это называется. И, конечно, этого не одобряю. Но я вам должен.

Вика непонимающе посмотрела на него.

– Помните, год назад тяжело заболела моя дочь? Врачи развели руками, сказали готовиться к худшему. Посоветовали клинику в Германии, но... там была такая запредельная сумма. Девочка угасала на глазах, а я не знал, чем ей помочь.

От отчаяния по потолку бегал. Готов был продать квартиру, но это долго, а деньги были нужны сейчас. Обратился к знакомым, но собрал просто какие-то крохи...

Вика кивнула. В деталях она эту историю не помнила, зато отлично запомнила лицо Александра – посеревшее лицо отчаявшегося родителя, безрезультатно бьющегося за жизнь единственного ребенка.

– Я обратился к вам, как к единственному человеку, который мог помочь. Хотя вы были и не обязаны... – продолжал Александр. – Вы меня выслушали. По-человечески. Затем просто позвонили в бухгалтерию. Через полчаса на мою карту упала вся необходимая сумма.

Вика заплакала, закрылась ладонями.

– Можно было бы попытаться доказать, что эта была необходимая самооборона, – продолжал Александр. – Но это долго и нудно, и, поверьте, без особых шансов на успех. Даже при ваших связях и деньгах. При любом раскладе пострадала бы ваша репутация. Поэтому я поступил так, как поступил. Не благодарите, не нужно. Я просто отдаю вам долг.

Лобовое стекло стремительно покрывалось крупными каплями ночного дождя. Вика вышла из машины. Глядя в темное небо, она зарыдала.

Дождь резко усилился, заглушая ее отчаянный вой, вдоль грунтовой дороги потекли грязные ручьи. Дождь – это хорошо. Он смывает все следы, прибивает листья и приглаждает свежую землю на могиле ее неверного мужа.

Но он не смывает это чувство тоски с ее души. Черной, пугающей своей безысходностью, тоски...

Я тебя не знаю

Настя искала свой паспорт. Вытряхнула ящики стола, исследовала полки шкафа, в двадцатый раз порылась в сумке – паспорта не было. Значит спрятал Он! Остается только сейф.

Она подошла к тяжелому сейфу и на электронном замке привычно набрала дату своего рождения. Сейф противно пискнул и заморгал красным индикатором, даже и не думая открываться. Отлично просто! Он еще и код сменил!

Пальцы вбили дату рождения мужа – мимо. Она перебрала кучу всяких комбинаций в различных вариациях – бесполезно.

Время уходит, скоро вернется Он... Беспомощно оглянулась по сторонам, будто ища подсказку. На стене висел портрет Эрнесто Че Гевары, кумира ее мужа. Нашла в интернете дату рождения знаменитого борца за свободу. Не особо надеясь на успех, набрала ее на кнопочной панели и аж подпрыгнула от неожиданности, когда в недрах массивной двери щелкнули, отодвигаясь, ригели и загорелся зеленый индикатор. Да здравствует свободная Куба и вечная память великому команданте Геваре!

Паспорт лежал на верхней полке! Торопливо вытащила его, будто опасаясь что сейф закроется в любую секунду. Схватила сумку и выбежала из квартиры.

– То есть, вы утверждаете, что ваш муж – не ваш муж? – майор Хромов уставился на посетительницу.

– Да, он его двойник, – утвердительно ответила Настя.

– И когда вы это поняли?

– Давно. Он просто очень похож на моего мужа. Но он – не он!

– А кто тогда?

– Откуда я знаю?! – возмутилась Настя. – Вы полиция, вы и выясняйте!

– Он вас как-то обижал, ущемлял, применял физическую силу? – спросил майор.

– Нет, такого не было. Но он постоянно делает из меня сумасшедшую! И он знает обо мне все! Все до последней мелочи. Мой день рождения, где я работаю, что люблю. Он прекрасно ориентируется в нашей квартире, в курсе, где что лежит... Он даже знает код от сейфа!

– Да неужели? – усмехнулся Хромов.

– А вы не иронизируйте! Я искала свой паспорт, а он оказался в сейфе. Он его спрятал, а замок перекодировал! Скажите, нормальный человек станет прятать от жены ее же паспорт и менять код? Кстати, насчет паспорта... у него паспорт моего мужа. Или как у моего мужа. Настоящего, я имею ввиду!

– А соседи его узнают?

– Конечно! Он же двойник!

Хромов почесал затылок. Каких только психов не заноси-

ло в его кабинет, но эта симпатичная и с виду вполне адекватная женщина бьет все рекорды!

– Простите за интимный вопрос. А...

– Мы уже давно этим не занимаемся! – отрезала Настя.

– Ага, во как, – тоскливо кивнул майор. – Вы говорите, ушли из дома?

– Да, я больше не хочу жить с абсолютно незнакомым мне человеком. Я боюсь! И я хочу написать заявление о пропаже моего настоящего мужа, и чтобы этого самозванца привлекли к ответственности!

Майор протянул ей лист бумаги и ручку.

– Для начала напишите мне адрес вашего фактического проживания и номер телефона. И домашний адрес тоже напишите, пообщаюсь с вашим мужем.

– Вы ее нашли? – с надеждой спросил Сергей.

– Гражданин, покажите мне свои документы сначала, – майор Хромов стоял в прихожей.

– Да-да, минуту, – Сергей открыл лежащий на трюмо портфель, вынул паспорт.

Хромов придирчиво изучал документ: имя, регистрация, семейное положение. Несколько раз пристально вглядывался в лицо Сергея, сличая с фотографией. Потом развернул паспорт и посмотрел на свет. Ничего подозрительного... Протянул его обратно.

– Так вы ее нашли? – повторил Сергей. – Она на звонки

не отвечает.

– Она сама к нам пришла. Видите ли, она утверждает, что вы – не тот, за кого себя выдаете. То есть, вы не ее муж.

К изумлению Хромова, мужчина совсем не удивился. Лишь только тяжело вздохнул.

– Понятно...

– Мне вот, например, совсем не понятно, – стал терять терпение Хромов. – Может быть поделитесь?

– Моя жена больна. Вы когда-нибудь слышали о синдроме Капгра?

– А это что за зверь? – Хромов озадаченно почесал ухо.

– Это когда человек искренне верит, что вокруг него не близкие ему люди, а их двойники. В случае Насти двойник – это я. Я вижу ваш недоверчивый взгляд... Минуту.

Сергей скрылся в комнате. Вернулся, неся какие-то бумаги.

Хромов вчитывался в мелкие строчки...

– Я не совсем силен в этой терминологии. Но это какое-то отклонение психики, так?

– Абсолютно верно. Но она считает, что этот диагноз – выдумка и вообще провокация. А болезнь прогрессирует, скоро она начнет видеть двойников в других людях. Ей надо лечиться, но я не могу на нее повлиять! Пытаюсь, но она считает, что я намеренно хочу упечь ее в психушку! – Сергей устало опустился прямо на пол и обхватил голову.

Хромов в замешательстве покачал головой. Ему стало

очень жаль этого человека, попавшего в такую непростую ситуацию. Он присел рядом с ним, сочувственно похлопал по плечу. Хотелось что-то сказать, но даже слов никаких подобрать не мог.

– Я и паспорт-то спрятал, чтобы она никуда не уехала! Чтобы постоянно на виду была, – сдавленно сказал Сергей.

– Может, через родственников повлиять? – сочувственно предложил майор.

– Да нет у нее никого! Только я, да и тот – не я! – Сергей только рукой махнул.

Хромов вытащил из папки листок, протянул ему.

– Здесь адрес гостиницы, в которой она остановилась. Давай успокойся, и мы поедем... Я попытаюсь убедить, что ты – это ты!

Сидя рядом с ним на полу, Хромов даже не представлял, как он будет это делать и стоит ли вообще это делать? Но и оставить Сергея одного наедине с его бедой он тоже не мог. А еще он поблагодарил судьбу за свою жену, которая его хоть и пилит каждый день, но хоть двойником не считает. И на том спасибо, как говорится...

Нина

Капитан-лейтенант Уваров смотрел на молодую женщину в белом халате. Красивая, стройная и вся какая-то невыносимо строгая.

«Королева Снежная просто», – мысленно вздохнул он, а вслух сказал.

– Нина Валерьевна, вы мне таблетки дайте какие-нибудь. Если вы меня сейчас завернете, то все! Меня на берег спишут, а мне без лодки не жить!

Нина с сочувствием посмотрела на него. Ручка застыла в тонких длинных пальцах.

– Уваров, все решит комиссия. Какая лодка с таким давлением?

– Ты вообще понимаешь, чем мне это грозит? – не выдержал он. – Что я, подводник, буду делать на суше?! Что?!

Нина поставила подпись и закрыла журнал. Сняла очки, устало потерла переносицу.

– Рано паниковать, до комиссии еще полтора месяца.

– Да, но в поход уходит Шадрин, а не я! – не сдержался Уваров. От его крика задрожали полки в стеклянном шкафчике.

– Товарищ капитан-лейтенант. Выйдите из моего кабинета и орите там. Я все сказала, – спокойно ответила Нина. Тонкая ладонь припечатала журнал проверки личного состава.

ва.

Уваров со злостью напялил фуражку, развернулся и пошел к выходу. Буркнул через плечо.

– И откуда ты только такая свалилась? Докторица до тебя была куда сговорчивей.

Нина вышла из кабинета, достала ключ.

– Нина Валерьевна! – послышалось за спиной. Она обернулась. Перед ней стоял высокий мужчина в форме. На грубоватом, с резкими чертами, лице светилась доброжелательная улыбка.

– Слушаю, – равнодушно ответила Нина, приподнимая дверь за ручку, одновременно пытаясь повернуть ключ.

– Капитан второго ранга Никитин. Можно просто – Валерий, – представился он. – Позвольте вам помочь?

Он мягко отстранил ее. Сильным движением приподнял дверь, повернул ключ. Вытащил, протянул Нине.

– Спасибо, – сказала Нина. – Заедает.

– Решим этот вопрос, починим.

– Спасибо. Вы, Валерий, по какому вопросу?

– Я по поводу Уварова, радиотехника нашего. Он был у вас утром на повторном обследовании. Там совсем все плохо?

– Там высокое давление и неумное хамство, – пожалала плечами Нина. – Второе еще можно пережить, а вот с давлением... В любом случае, все решит комиссия.

– Уваров – отличный офицер...

– Послушайте, Валерий! – повысила голос Нина. – С таким давлением вашему отличному офицеру на подлодке делать нечего! Я не знаю, как такие вопросы решались при прошлом враче, но при мне будет так! И никак иначе! До свидания. И спасибо за дверь.

Едва она застегнула медицинский халат, как в кабинет постучались.

– Войдите, – крикнула Нина, садясь за стол. Дверь открылась, и в кабинет заглянул ее вчерашний знакомый, капитан второго ранга Никитин. Сегодня он был в гражданской одежде.

– Доброе утро, Нина Валерьевна. Можно?

– Здравствуйте. Конечно, входите, – Нина кивнула, с удивлением глядя на небольшой металлический ящик для инструментов в его руке.

– Вот, пришел отремонтировать дверь, – улыбнулся Валерий.

Нина растерялась. Она думала, что он пришлет какого-нибудь матроса, если вообще вспомнит о своем обещании, но чтобы самолично...

– Если вы таким образом хотите повлиять на мое решение относительно Уварова, то можете даже и не начинать, – предупредила она.

Валерий сделал большие и очень честные глаза.

– Что вы! Нельзя так нельзя. Я ему сам вчера приказал дожидаться решения комиссии и не портить вам настроение своими визитами и хамством.

– Это лишнее, я могу за себя постоять, – сухо ответила Нина, надевая очки. – Приступайте.

– В Санкт-Петербурге все такие строгие? Вы же из Питера, так? – поинтересовался Валерий, осматривая дверь.

– Откуда такая осведомленность? – прищурилась Нина.

– Северодвинск – городок маленький, здесь всё про всех знают.

– Прямо всё и про всех?

– Да, особенно если есть знакомые в отделе кадров, – рассмеялся Валерий.

Он ловко снял полотно с петель, придирчиво осмотрел.

– Придется немного пошуметь. Дверь сильно просела.

– Вам виднее, – развела руками Нина и вернулась к бумагам.

Она исподтишка наблюдала за ним. Все делалось со знанием дела, без лишнего шума и суеты. Он даже язык высунул от усердия, полностью уйдя в работу.

Через полчаса дверь была на месте.

– Нина Валерьевна, попробуйте открыть и закрыть ключом.

Нина подошла к двери, вставила ключ. Он, шелкая оборотами, проворачивался легко, без усилий.

– Здорово! – так искренне восхитилась она, как будто Ва-

лерий на ее глазах за полчаса построил большой адронный коллайдер. – Спасибо!

Она благодарно улыбнулась, в первый раз за их короткое знакомство. Валерий, глядя на ямочки на ее щеках, почесал бровь.

– Не за что, – нарочито равнодушно ответил он. Отвернулся, стал быстро складывать инструменты, чтобы Нина не видела его лица. Его, опытного подводника и офицера, за плечами которого с десятков опасных выходов в море, трудно было смутить, но вот ей, такой хрупкой и женственной, это удалось на раз.

– Если надо что-то еще отремонтировать, я готов, – сказал он наконец, справившись со смущением и подняв на нее взгляд. – Или может дома? Ну там, полку повесить или кран починить. Обращайтесь, в общем... Вы же, вроде как, не замужем?

– Ваш отдел кадров – просто находка для шпиона, – улыбка моментально слетела с ее лица.

– Да нет, это я так, дедуктивным методом. Кольца на пальце нет.

Нина быстро засунула руки в кармашки халата.

– Спасибо, Шерлок, но ремонтировать больше ничего не надо. Если что-то понадобится, то обращусь в хозяйственный отдел. Простите, мне надо работать.

– Да-да, конечно, – Валерий уже клял себя за свои слова. Подхватил ящик с инструментами. – Ладно, пойду. До сви-

дания.

– До свидания, Валерий. Еще раз спасибо!

– Жена его не дождалась, пока он на дежурстве в море был. Представляешь, возвращается через два месяца, а она уже с другим, с каким-то гражданским. Типа, моряк, ты слишком долго плавал! Там видно и раньше между ними шуры-муры были, только он не замечал, – рассказывала пухленькая медсестра, с аппетитом уплетая столовский борщ.

«Северодвинск – городок маленький, здесь всё про всех знают...», – вспомнила Нина слова Никитина. А словоохотливая медсестричка продолжала.

– Он квартиру ей оставил свою, а сам в общагу для командного состава съехал. Благородный, видите ли... Вообще, он мужик нормальный! И офицер хороший, смелый, справедливый. За своих подчиненных знаешь как с командованием бьется?! Его весь Северный Флот знает! Хозяйственный опять же, руки прямые.

Нина кивнула. Да, это она уже заметила.

– Слушай, а что ты Уварова-то забраковала, а? – внезапно сменила тему медсестра. – Его жена на тебя жаловалась, они соседи мои.

– Мы не на производстве чтобы браковать, – отрезала Нина. – А его жене передай, чтобы за здоровьем мужа следила. Ладно, приятного аппетита.

Она встала из-за стола и пошла к выходу. Сидящие в сто-

ловой офицеры заинтересованно повернули головы в ее сторону.

– Слюни подберите, морячки! – прикрикнула на них пожилая повариха, стоящая на раздаче.

Нина стояла перед прилавком.

– Грибочков возьмите, сами солим. Вку-у-у-сные! – приветливая продавщица показала на стеллаж с банками за спиной.

– Какие люди! Знала бы, мухоморчиков запасла, – послышалось язвительное. Из подсобки вышла грузная молодая женщина, примерно одних лет с Ниной. С неприязнью посмотрела на единственную посетительницу.

– Ты чего, Натаха? – удивилась продавщица.

– А ничего! – огрызнулась женщина. – Приехала тут людям жизнь ломать. Докторишка вшивая!

Нина нахмурилась.

– Это вы про меня?

– А про кого еще? Я твою физиономию давно срисовала, видела пару раз, да и люди добрые подсказали, – ухмыльнулась женщина.

«Вот она, слава!», – подумала Нина, а вслух спросила.

– И кому я сломала жизнь?

– А будто ты не знаешь?

– У меня нет желания разгадывать ваши шарады, – пожала плечами Нина и повернулась к продавщице. – Помидоров

килограмм и зелени, пожалуйста. А грибочки в следующий раз.

– А ты не отворачивайся, когда с тобой разговаривают, – Наталья явно нарывалась на скандал.

– Натаха! – рассердилась продавщица, засовывая продукты в пакет. – Хорош уже! Что случилось-то?

– Мужика моего на берег списала, вот что!

И тут Нина все поняла, повернулась.

– Так вы жена Уварова?

– Ой, не прошло и полгода, догадалась! – картинно всплеснула руками Наталья.

– Я его не списывала, такие решения принимаются коллективно, группой врачей.

– Отправила заключение на комиссию – все равно что списала! Поняла?! – с неприкрытой злобой ответила Уварова. – Докторша до тебя почему-то ничего не находила, а ты давление какое-то нашла! Смех только!

– По вашему – это смешно? Вам муж дорог вообще? Неудивительно, что у него давление скачет, с такой-то женой!

– Да я тебя сейчас! – пошла в наступление Наталья, сжимая кулаки. В глазах полыхала злоба.

«Кажется, меня сейчас будут бить...», – пронеслось в голове у Нины. Она закрыла глаза, готовясь к неизбежному. Драться она не умела. Когда-то в детстве ходила в секцию каратэ, целых два дня, но потом бросила, поняв, что это не

ее стихия. А зря! Наверное, сейчас эти боевые навыки были бы весьма кстати...

– Э-э-э, Натаха! Завязывай давай! – испуганно прикрикнула продавщица, выбегая из-за прилавка. Вручила пакет Нине и стала подталкивать ее к двери.

– Я же не заплатила! – упиралась Нина.

– Потом, милочка, потом! Иди уже, от греха!

Продавщица вытолкнула Нину на улицу и заперла дверь. За стеклянными дверями слышалась ругань. Нина стояла на крыльце, прижимая пакет к груди, абсолютно обалдевшая от происходящего. Постояла минуту, приходя в себя, затем медленно пошла по улице.

Настроение было паршивым, мысли путались. Приехала за полярной романтикой, называется. Сама выбрала это распределение в город корабелов, захотелось вдруг самостоятельности! А тут прям какие-то страсти кипят. А может уехать, а? Вернуться в Петербург, пойти в клинику к отцу, да и работать себе спокойно, с клеймом профессорской дочки? Блатной, другими словами. По крайней мере, никто вшивым докторишкой не обзовет...

Невеселые мысли прервал знакомый голос.

– Нина Валерьевна!

Нина посмотрела на машину, остановившуюся возле нее. Из окна высунулся Валерий.

– Подвезти? Здравствуйте.

– Добрый вечер. Я уже почти пришла.

– Что-то вид у вас расстроенный.

– Просто устала.

Валерий подумал, затем решительно вылез из машины.

– А можно я с вами пройдусь?

– Пройдитесь, – безучастно ответила Нина.

Минуту они шли молча.

– Мы на дежурство уходим послезавтра, – наконец сказал

Валерий, чтобы развеять неловкое молчание.

– Надолго?

– На месяц.

– Месяц изоляции, подальше от людей? Повезло, – искренне позавидовала Нина. – Вам врач не нужен в команду? Шучу.

– Нина Валерьевна, я же вижу, что-то не так, – Валерий резко остановился. – Если вы из-за моих тех слов, ну, про замужество и прочий бред, то извините! Я правда просто хотел помочь, без всяких задних мыслей...

– Да при чем здесь это! – досадливо отмахнулась Нина. – Чаю хотите?

– Ч-ч-чаю? – растерялся Валерий.

– Да, чаю. Зеленого китайского.

– Хочу. Очень, знаете, хочется зеленого китайского чаю!

– Приглашаю, – пожала плечами Нина и показала на старую пятиэтажку. – Пришли.

– Хорошо у вас, – Валерий оглядел прихожую обычной

однокомнатной квартиры. – Чувствуется хозяйка в доме.

– Я здесь не хозяйка, снимаю, – ответила Нина, скидывая туфли. – Хотя вы, наверное, и так знаете. У вас же целый отдел кадров на осведомительной службе.

– Нина Валерьевна, вам не надоело меня постоянно унижать? – возмутился Валерий. – Ну да, зашел к кадровикам, поинтересовался мимоходом о новом враче. Девочки мне не отказали. Но эта так, в чисто профессиональных целях. Я же должен знать, кто занимается здоровьем личного состава?

– Понятно. Извините. Проходите на кухню. Сейчас чайник поставлю, – Нина скрылась в ванной.

Валерий проследовал на маленькую кухню. С тех пор как он развелся с женой и перебрался в общежитие, ему не хватало этого обычного домашнего тепла. Цветов на подоконнике, тюлевых занавесок, криков детворы за окном... Даже старый, со стертым рисунком, линолеум казался каким-то домашним...

– Располагайтесь, Валерий. – Нина вошла на кухню. – Есть кофе, если хотите. Зеленый чай – он на любителя, не всем нравится.

– Да, лучше кофе, – честно признался Валерий. Хотя в компании Нины он был готов пить и ненавистный ему зеленый чай. Литрами! Ведрами!

Он сидел на старой табуретке и смотрел как она ставит чайник, достает чашки.

– Нина Валерьевна, а почему вы приехали сюда? Неужели

у нас чем-то лучше, чем в Северной столице?

– Можно просто – Нина, – ответила она, стоя спиной. – А почему приехала? Работать, жить. Но сейчас подумываю двинуть в обратном направлении.

– А почему? – насторожился Валерий, принимая из ее рук кружку с горячим кофе. – Спасибо.

– Есть причины, – уклончиво ответила она, присаживаясь за стол с чашкой зеленого чая.

– А все-таки? Вам здесь одиноко? – Валерий отхлебнул ароматный напиток.

– Нет, не поэтому, – возразила она. – Просто я здесь не нашла того, что искала.

– А что вы искали?

– Спокойствия.

Еще две недели! Интересно, как он там? Как себя чувствует? Думает ли о ней? Наверняка, думает. Хотя нет, ему о службе думать надо. Но пусть все-таки думает. Ну хоть чуть-чуть...

Нина вздохнула, перевела взгляд с календаря на окно. С утра было прохладно, моросил дождь. Не привыкать – тоже не с Бали сюда приехала.

После того разговора с Валерием у нее дома, ее жизнь стала меняться. В лучшую сторону. Люди стали приветливее, что ли. Или просто пройден тот этап неприязни, называемый «приехала столичная птичка»?

Нина вспомнила, как неделю назад зашла в магазин, чтобы отдать долг за продукты. По счастливой случайности, скандальной Натальи не было, она товаровед и, что называется, «ушла на базу», поэтому Нина спокойно разговорилась с приветливой продавщицей Ларисой, без риска быть битой.

– Ты думаешь, что Натахе муж нужен? За здоровье его печется? – заговорщицки подмигнула ей продавщица.

– А что, нет? – удивилась Нина.

– Ага, щас! Держите меня семеро! Да ей просто сплавить его некуда стало! А так, он пока в море, она ему тут рога прикручивала, мама не горюй! Короче, милая, сценарий ты ей поломала, будь здоров!

– Да ладно...

– Прохладно! А он, между прочим, тоже не отставал. С врачом фестивалил, ну с той, которая до тебя была. Она ему и результаты рисовала положительные по здоровью, ну так, чисто за любовь. Это мне медсестра шепнула, которая с тобой работает. Толстенькая такая, ты ее знаешь...

– Да что у вас тут творится? – прошептала шокированная Нина. – Все всё про всех знают, и все друг с другом спят...

Лариса, глядя в ее растерянное лицо, расхохоталась...

Воспоминания прервал стук в дверь.

– Войдите!

В кабинет зашел молодой матрос с перевязанной рукой, поздоровался.

– Присаживайтесь, Жданов, давайте посмотрим вашу ру-

ку. – Нина надела перчатки и осторожно размотала бинты. – Уже лучше, заживает. Вы мазями пользуетесь, которые я вам дала?

– Конечно, доктор. Да у меня и без мазей все заживает, как на собаке.

– И тем не менее...

Нина наложила свежую повязку.

– Придете в пятницу, в это же время, – сказала она, снимая перчатки. Села за стол, открыла журнал, чтобы сделать запись.

– Это вам, – Жданов здоровой рукой вытащил из кармана конверт. Обычный, серый, казенный.

– И что это? – удивленно спросила Нина.

– С узла связи просили передать. Прямо в руки. Только вы, пожалуйста, не говорите никому. Личные сообщения запрещены, особенно когда атомоход находится на боевом дежурстве. Просто сам кавторанг Никитин лично диктовал, ему не могли отказать!

Едва за матросом закрылась дверь, Нина быстро распечатала конверт. Почему-то сильно забилося сердце и задрожали руки. Развернула листок бумаги. Крупный шрифт запрыгал перед глазами:

" Нина. Постоянно о вас думаю.

Никитин."

На пирсе было многолюдно и пестро. Женщины, дети с

цветными шариками, подростки, офицеры с аксельбантами, матросы в красных жилетах, девушки в кокошниках и в расшитых платьях. Всюду развевались Андреевские флаги. Гремел оркестр.

Нина первый раз в жизни видела атомную подводную лодку. Черная субмарина исполинских размеров казалось заслоняла собой низкое северное небо. Стоящие впереди Нины мальчишки, явно красуясь друг перед другом, деловито перекидывались между собой непонятными ей словечками, тыкая пальцем в сторону подлодки: проект Борей, ракетный комплекс «Булава» ...

Официальная часть встречи подошла к концу, стих оркестр, ушло высокое командование, и к морякам ринулись их семьи. Улыбающиеся жены обнимали мужей, дети сразу пристроились на шеях своих отцов-моряков, какой-то молодой офицер, счастливо улыбаясь, бережно принял из рук девушки младенца. Но были и те, кто уходил в одиночестве... Такие как Никитин.

– Валерий! – закричала Нина и призывно замахала рукой. Валерий остановился как вкопанный, растерялся. Снял фуражку, неловко пригладил волосы. Потом вытащил из кармана платок и зачем-то вытер и без того сверкающие ботинки. Выпрямился, поправил китель и чуть ли не строевым шагом направился к ней.

Нине стало смешно. Не так она представляла себе эту встречу. Думала, будет более романтично, что ли... Ну, как в

кино: она посмотрит ему в глаза, затем прижмется к его груди, а он, обнимая ее сильной рукой, устремит задумчивый взгляд вдаль. Ну, как-то так.

Но реальность всегда другая...

Валерий подошел к ней.

– Вы? – спросил он смущенно. – Вы ко мне, Нина?

– К вам, Валерий, – улыбнулась Нина и протянула ему руку. – С прибытием!

Они уходили с пирса, взявшись за руки. Еще не пара, но уже далеко не чужие...